

РЕШЕТОВСКИЕ ВСТРЕЧИ

АЛЬМАНАХ

№ 1

БЕРЕЗНИКИ 2012

Издание осуществлено при поддержке
администрации города Березники Пермского края

Главный редактор –Татьяна Соколова

Редакционная коллегия:

Анатолий Гребнев
Александр Фуфлыгин
Светлана Муксинова
Юрий Калашников
Вера Смородинова

©АНО «Пермский литературный центр», 2012

Татьяна СОКОЛОВА

В начале было Слово

Именно так, с прописной буквы обозначая ведущий элемент литературной речи, начинаем мы наш альманах, то есть сборник литературных произведений, объединённых по какому-либо признаку.

Таких признаков, объединяющих участников нового альманаха «Решетовские встречи» – авторов и их произведений, – при внешней непохожести довольно много. В первую очередь, это, безусловно, то, что все они участвовали в XII открытом межмуниципальном литературном фестивале-конкурсе Пермского края «Решетовские встречи», традиционно состоявшемся в городе Березники в начале апреля 2012 года. Из более двухсот участников фестиваля в альманахе представлено сорок восемь авторов из Березников, Перми и других территорий Пермского края.

При желании представить каждого полнее редакционной коллегии представлялось необходимым дать слово возможно большему количеству авторов, а глубину знакомства с каждым из них оставить на следующие выпуски альманаха. Принадлежность авторов к участию в фестивале также обусловила и отсутствие тематической рубрикации в альманахе. Авторы и тексты даны в нём в жанровой открытости, как это было в фестивальном конкурсе, но без деления на возрастные группы.

Поэзия и проза представлены в пространстве альманаха примерно поровну. У сорока авторов даны поэтические тексты, наиболее ярко отражающие творческие особенности каждого. Четверо из них также являются авторами прозаических текстов альманаха. Более полная стихотворная подборка Анастасии Юшковой должна ориентировать читателя на то, что новый альманах при равном литературном уровне текстов будет отдавать предпочтение более молодым авторам. Лирическая поэма Геннадия Вершинина «Тайна» завершает стихотворный блок.

Раздел прозы открывает Дмитрий Бутко с двумя не совсем обычными текстами, не вмещающимися в традиционные рамки определённого жанра. По метафорической экспрессии их (с доработкой ритма) можно отнести к стихотворениям в прозе. По педалированию на реалистичности деталей и их философической трактовке тексты можно условно назвать поэтической эссеистикой.

Две лёгкие мудрые сказки от Леонида Олюнина и Веры Рычиной наверняка будут одинаково интересны читателям всех возрастов. И глава из повести Софии Зириной о начале безмятежного летнего дня маленькой

девочки Иришки одинаково согреть своим неисканным и искусственным теплом как детей, так и взрослых. А глава из фантастического рассказа юной Софьи Болтрушевич о Березниках XXIV века дополнит почти сказочное повествование прозаического раздела альманаха. Это похожее на хорошую сказку повествование продолжится в цикле коротких рассказов Татьяны Заостровской «День молодого человека».

Два других текста – юных пермячек Дарьи Никкари и Юлии Степановой – дадут внимательному читателю, кроме яркой одарённости авторов, почувствовать онтологическую разницу современного мировосприятия летописца из провинциального центра и краевого мегаполиса.

В разделе публицистики, критики и эссе взрослого читателя наверняка очаруют картинки с натуры из провинциальной – городской и деревенской – России XX века от Веры Рычиной и Галины Мариновой. Серьёзному читателю будет интересно филологическое исследование пермской школьницы Яны Каменщиковой «Мотив белого цвета в лирике Алексея Решетова».

Назвав из множества объединяющих авторов альманаха черт пока только одну – их участие в XII открытом межмуниципальном литературном фестивале-конкурсе Пермского края «Решетовские встречи» – перейдём сразу к главной, сказать о которой надо бы в первую очередь и гораздо более пространно, чем позволяет формат вступительной статьи.

Не углубляясь в глубинное трактование взятой в заголовок фразы из Евангелия от Иоанна («В начале было Слово, и Слово было к Богу, и Слово было Бог»), скажем лишь то, что первый номер альманаха «Решетовские встречи» объединил очень счастливых людей. Они (по крайней мере, абсолютное большинство из них) действительно верят, что первым было Слово, и более того, что словом (то есть литературой) можно если не спасти, то изменить наш мир к лучшему. А что может быть более ценного в этом мире, чем счастье и вера в него? Вы согласны? Тогда читайте и присоединяйтесь!

Татьяна Соколова

ПОЭЗИЯ

Галина МАРИНОВА

ВЫШИВАЛА МАМА, ВЫШИВАЛА

* * *

Вышивала мама, вышивала,
Создавая счастье и уют.
Вечерами так она певала,
Как теперь, пожалуй, не поют.

Бегала проворная иголка,
И мелькала розовая нить.
Вышивала мама долго-долго,
В песню душу силилась вложить.

И под ловкими её руками
На простом суровом полотне
Расцветали маки с васильками
И ромашки улыбались мне.

Я под песни мамы засыпала,
И казалось, это снится мне:
Мама одеяло поправляла,
Гладила меня по голове.

Ласково шептала: «Спи, дочурка», –
Снова продолжала вышивать.
И трещала в тишине печурка,
Блик огня ложился на кровать.

За стежком стежок, за строчкой строчка.
Кроме мамы, кто так вышить мог?
И на песне так поставить точку,
Словно завязала узелок.

Галина Бурыга

ПАМЯТЬ

О память, ты сундук с добром.
Не с золотом, не с серебром.

Но если порыться в моём сундуке,
То прежнее счастье держу я в руке.

И я достаю что там есть не спеша,
Над чем ликовала и пела душа.

Что было, то было совсем не напрасно.
Всё было прекрасно. Всё было прекрасно!

И даже та боль, что так сердце точила,
Чему-то учила, чему-то учила.

Любовь ПРОТАСЕВИЧ

ЗВЁЗДНЫЕ ОГНИ

Большая Медведица, Малая,
Серебряный звёздный ковш.
Звезда, как снежинка талая,
И месяц на льдинку похож.

Всё легкой прохладой окутано,
И в городе нет суеты.
Мечтайте такими минутами,
И сбудутся ваши мечты.

И ветер на ветке качается.
Он ловит звёздную пыль.
И что-то у вас получается,
Мечты превращаются в быль.

Всю ночь над домами уютными
Пусть кружится радуга звёзд.
Любите такими минутами,
Любите, любите всерьёз!

Земля потихоньку вертится.
Давайте за ней наблюдать.
Вдруг ночи такой не встретится,
Вдруг больше звезду не поймать.

Какими бы ни были трудными
В мелких заботах дни,
Творите такими минутами,
На звёздные глядя огни.

Евгения ЕРМОЛАЕВА

ЗЕРКАЛО ДУШИ

...Лишь тихо шелестит шальная тень,
Пугая каждого, кто смеет обернуться.
Ей уважать других сегодня лень,
Она желает лечь и не проснуться.

Бесчувственная, чёрная, как ночь.
Близки ей образы мучительных иллюзий,
Нет никому желания помочь
В жестоком, хаотичном, тёмном блюзе.

И до конца сыграв в спектакле тьмы,
Опустится пред залом на колени.
Ей судьями сегодня будем мы
И не позволим больше беспределить.

Быть может, тень – лишь зеркало души,
Покрытое тончайшей тонировкой.
Мы платим за невидимость гроши,
Она является всех наших душ воровкой.

Когда-нибудь богов услышим глас,
Молящий и взывающий к прощенью.
Нам тень покажет мир наш без прикрас,
В суде подаст немое утешенье.

Бесчувственное, злое существо
Неведомо зачем пугает души.
Она не ценит в мире никого
И крики страха посылает в уши.

Я ей «спасибо» говорю за то,
Что отражает жизнь мою всё время.
Она – всего лишь жаркое стекло,
Несущее в себе такое бремя.

Ульдуз МАМЕДОВА

МОЯ ЗВЕЗДА

Я знаю: где-то далеко,
Куда не едут поезда,
В таинственной тиши ночной
Она горит, моя звезда.

И этот путеводный свет
По суматохе городской
Сквозь лабиринты прошлых лет
Мой направляет путь земной.

Ей доверяю я мечты,
С ней я волнуюсь и молюсь.
Иной достигнув высоты,
На ней однажды поселюсь.

Надежда ПОЧУЙКО

ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ РАЯ

Хлебная чёрствая корка,
Чашка горячего чая.
Вот она, пепла горка,
Вот она, жизнь у края.

Смятые пятки кроссовок,
Синие «трёшки»* с коленками.
Вот она, жизнь тусовок,
За теми хрущёвскими стенками.

Банка-жестянка с бычками,
Вечно голодная кошка.
Медленными скачками
Скачет по полу блошка.

Стаями мухи летают,
Тропы кладут тараканы,
Дырки в карманах сверкают,
Ловят монетки в капканы.

Хлебная чёрствая корка,
Чашка горячего чая.
Вот она, эта норка.
То, что осталось от рая!

*«трёшки» – трико.

Анастасия ПОДСКОЧИНОВА

ПРОСТИ МЕНЯ, БОЖЕ

Прости меня, Боже, за всё, что не так,
За дерзкий проступок и малый пустяк,

За то, что других осуждая – виню,
За зло, что я в памяти долго храню,

Прости за слова, что сказала в сердцах,
Прости за неверие, слёзы и страх,

Прости за ошибки, за глупость прости,
За то, что я, может быть, сбилась с пути.

Дмитрий Бутко

ПЛАХА

День сегодня такой – никому не судьба,
вечность в спину пихает, достала толкать!
Жадно виснет на плечи помоста толпа,
кровожаднее зверя пойти поискать.

Место лобное, телом врастаю в помост,
вязкой лужею красная смерть на миру,
нервы выжаты, капли оборванных слёз,
руку тянет с ухмылкой палач к топору.

Смотрит взглядом гниющей вживую судьбы,
ямы глаз под бровями – без крышек гробы,
пот и кровь вперемешку по доскам, в галоп,
взмыл топор надо мной, остриём целя в лоб.

Не надышишься! Всё – бесполезно.
Бросят ниц – головою на грань.
Хладнокровная ярость железа
перекроет на вдохе гортань.

Эшафот – невесёлое дело,
рухнет лезвие небом в броне,
пролетев сквозь хрипящее тело,
болью жертв застревая во мне.

Ирина КИЯШКО

АПОКАЛИПСИС

...Но это не будет ни боль, ни обида,
Ни ропот, ни лепет,
Ни робкий веночек несуразного вида
На дремлющем склепе...

Усталость живых – неживых не покинет
Во время смурное,
Но это не будет ни быль, ни погибель,
Но что-то иное...

Неистовый выброс хрипящей аорты
Безликого стада –
Владыки не делят рабов на когорты
По чину, по стати.

Усердствуй предстать перед взором Всевышним
В луче первородства –
Но это не будет ни слава, ни пища,
Ни святость, ни скотство...

Бессмертного мира несметная жалость
Ко всем окаянствам:
К рабам и рабыням, рубинам державным,
Горшкам и фаянсам!..

Ничто не придаст благородного вида
Куску перегноя –
Но это не будет ни боль, ни обида,
Но что-то иное...

Сергей КОЧЕТКОВ

В ДУШЕ СВОЕЙ СЛОМАВ

* * *

В душе своей сломав
 Приют обиды лстивой,
 Вновь с радостью ловлю
 Синь неба, смех рябин.
 Красивые слова
 Не ради слов красивых.
 Я родину люблю,
 Пусть ею не любим.
 В далёкие края
 Рванёт судьба случайно.
 Обрато – не вопрос,
 Ползком, но доберусь.
 Здесь колыбель моя,
 Плач иволги печальный,
 Весёлый шум берёз,
 Отцов и дедов Русь.
 Конечно ж, в мире есть
 Куда теплей угодья,
 Но, как меня ни грей,
 Я жить там не смогу.
 Всё сердцу мило здесь:
 Рябины красной гроздь
 И стайка снегирей
 На выпавшем снегу.
 Здесь дорог каждый грамм
 Дождя, порывы ветра,
 В урманах здешних мест
 Я пил твою росу.
 Земля моя – мой храм,
 Религия и вера.
 Я свой нелёгкий крест
 На суд твой принесу.

Софья СУЛЕЙМАНОВА

В СТАТЬЕ ИВАНА ИЛЬИНА

* * *

В статье Ивана Ильина –
 философа, провидца –
 Остался для потомков ярчайший мысли взлёт,
 Что русская поэзия тогда лишь возродится,
 Когда в священных ритмах душа вдруг запоёт.

Опустится с небес святое вдохновенье,
 Волной в душе у русских поднимется со дна
 Последняя, могучая и рифмами кипучая,
 Сквозь сердце проходящая святая глубина.

С душою обновлённой, в поэзию влюблённый
 Поэт Руси отыщет стиль, форму и слова
 Для самовыражения, для жизни отражения,
 Великая поэзия – она всегда жива.

Я верую в Россию! Под небосводом синим
 Отчизны есть таланты – поэзия взлетит!
 Стихами высь пронзая, от края и до края,
 Как яркий – цвета молнии – ночной метеорит!

Алексей МАТВЕЕВ

ГОРОД СОЛИКАМСК

У подножья седого Урала,
 У красавицы Камы-реки
 Волей Божию крепостью стал он
 По велению царской руки.
 С юга, с запада, с Волги и Дона
 Шёл в Соль Камскую беглый народ.
 Стал Урал для них Родиной, домом,
 Для России стал город-оплот.
 Соль варили и строили храмы,
 Знали путь на индийский базар,
 И в сраженьях не ведали сраму,
 Отбивая набеги татар.
 Сквозь тайгу, через горы и топи
 Проложили в Сибирь волока –
 С Божьей помощью, с кровью и потом
 Протащили ладьи Ермака.
 Государю налоги платили,
 Город строился, рос палисад.
 Ананасы в столицу возили,
 Здесь ведь был ботанический сад!
 Город-труженик, город-воитель,
 Пять столетий у Камы-реки
 Ты стоишь, дорогой долгожитель, –
 Не стареют душой старики!
 Встали в строй комбинаты, заводы,
 «Рабский» труд в шахте канул в века...
 Ты нам дорог, ты в сердце народа
 И в соленых ушах пермяка!

Валентина ТЕТЕНОВА

ПОДСНЕЖНИК

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

Соль в твоём названии,
 Соликамск родной.
 Корпуса и здания,
 Лес стоит стеной.

Церкви златоглавы,
 Камушка-река.
 Ты достоин славы,
 Город, на века.

* * *

Бор сосновый.
 И подснежник
 На пригорочке цветёт, –
 Радость жизни,
 Смысл и веру
 Нам в прекрасное даёт.

Анастасия РАСТОРГУЕВА

СОЛНЦА ТЁПЛЫЙ КОЛОБОК

Чёрных туч большой клубок
Вечерком раздуется,
Солнца тёплый колобок
Миром залюбуется.

Ираида ПЛЮСНИНА

ОЖИВАЕТ ВСЯ ПРИРОДА

* * *

Оживает вся природа
После зимних стуж и вьюг,
Ясную сулит погоду
Спать ушедший солнца круг.

Вербы беленькие почки
Окружают вербу-мать,
Словно это мама-квочка
Деток вывела гулять.

Валентина НЕЧАЕВА-ЛЕБЕДЕВА

БЕЛАЯ БЕРЁЗА

Есть у каждого из нас
Белая берёза...
У кого – в счастливых снах,
У кого – лишь в грёзах.

Принакрыта серебром
Иль листвою шумящей
И овеяна теплом
Нежности щемящей.

Ах, берёза ты моя,
Белая, красивая,
Юность, милые края,
Я с тобой – счастливая.

Надежда БАТРОМЕНКО

ЦАРСТВЕННЫЙ ГРИБ

Пахнет лето медовыми травами
И прохладной целебной росой,
Молоком и седыми туманами,
Ранним утром над тихой рекой.

Земляничкой душистою пряною,
Пышным цветом желтеющих лип
И чудесной лесною поляною,
Где позирует царственный гриб.

Валентина ФРОЛЬЦЕВА

СЕДИНЫ НЕ ПОЗОРНЫ

ЗЕРКАЛА

Ни в чём не виноваты зеркала,
 Не может человек не измениться.
 И сколько бы себе я ни лгала,
 Но в зеркалах моих другие лица.

Иллюзиями жить смешно теперь,
 Должны быть эстетическими нормы.
 Пусть внешность отражает суть потерь,
 И всё равно седины – не позорны.

ДОЖДЬ

Намокли пыльные дороги,
 На лужах вздулись пузыри.
 Закрыв головки-недоτροги,
 Ждут одуванчики зари.

Дождя серебряные капли
 Летят на листья с высоты...
 Стоят, как на болоте цапли,
 С утра продрогшие кусты.

Ольга ТОЛСТОГУЗОВА

ДВА ВРЕМЕНИ ГОДА

* * *

Лето, солнечные блики,
 Дымка тающих ночей,
 Запах сочной земляники,
 Терпкий воздух жарких дней.

Блики знойные на солнце,
 В жёлтом мареве рассвет,
 Мать-и-мачеха смеётся,
 В окна льётся яркий свет.

Всё кругом цветёт и дышит,
 Сердцу дарит благодать,
 Всё живёт, и жизнью пышет,
 И стремится счастье дать!

ОСЕНЬ

Вновь заплачет небо горькими слезами,
 Вновь на север птицы полетят над нами,

Вновь деревья наземь листья свои сбросят –
 И в окошко стукнет золотая осень.

Валентина НЕКРАСОВА

УПЛЫВАЛО ОБЛАКОМ ПУШИСТЫМ

* * *

Уплывало облаком пушистым
Лето босоное на юг.
Листопадом нежно-золотистым
Покрывался опустевший луг.

Как искрились, шелестели листья,
Наполняя рощу желтизной!
И срывала у рябины кисть я,
Любовалась ягодой лесной.

Наливались гроздья алым соком,
Раздавались птичьи голоса.
На смолистом дереве высоком
Распустила осень паруса.

Долго я прощалась с тёплым летом,
Воздавала честь ему, хвалу.
Красовалась осень ярким цветом
В платье на рябиновом балу.

Как она кружилась в танце этом,
Собирая листья в хоровод!
Тёплые денёчки бабьим летом
Называет ласково народ.

Ольга ТИУНОВА

ПРАЗДНИК ЗОЛОТОГО ЦВЕТА

Жёлтый кадмий карамелью
Заиграет ярко-сладкой.
Вкусно-цветное веселье
Осень дарит без оглядки.

Приглашает на прощанье,
На безудержный свой праздник
И нектаром угощает
Красок охристых и красных.

Фейерверком сыплет осень
Листья-фантики рябины.
Гроздья ягод преподносит
Сочно-спелого кармина.

В сто оранжевых жетонов
Рассыпаются осинки
И, смеясь, звенят на фоне
Туч с черничною кислинкой.

Дальний лес прохладой тает,
Мятным леденцовым вкусом.
Осень цветом истекает,
Цветом радостным и грустным.

И короткий завершая
Праздник золотого цвета,
Осень ложкою мешает
Соль зимы и сахар лета.

Любовь СМИРНОВА

СИНЕЕ НЕБО И ОБЛАКА

* * *

Синее небо и облака...
 Ветер, летящий издалека...
 Белое поле... Сверкающий снег...
 Лёгкой поземки стремительный бег...

Нина РОГОЖНИКОВА

ЧАЙ В ТРОЁМ

За окошком по-февральски вьюжно,
 Всю дорожку к дому замело.
 Ну а что двоим для счастья нужно,
 Если им уютно и тепло?

Две души, в одну объединённых,
 Вечер, кухня, столик на двоих,
 В шоколаде глаз моих влюблённых –
 Голубые искорки твоих.

Мы молчим, а нам и слов не надо,
 Мы владеем тайной с давних пор
 Понимать друг друга с полувзгляда
 И вести безмолвный разговор.

Маленькие хитрости с секретом,
 Чайной церемонии состав:
 Я по чашкам разливаю лето
 С нежным ароматом пряных трав.

На столе варенье разной масти,
 Постряпушки, будто в доме гость...
 Может, это в самом деле счастье
 Третьим вместе с нами прижилось?

Галина ГАРЯЕВА

МОРЕ СЧАСТЬЯ

СНОВА ПИШЕТ МОРОЗ МНЕ ПИСЬМО...

Снова пишет мороз мне письмо на стекле,
 Словно ты рассказал, что сказать невозможно...
 Тополь веткой продрогшей качает в окне,
 Будто ты заскучал, постучал осторожно...

Мне рисует мороз из узоров цветы,
 Те, что ты никогда подарить не решишься...
 Вечереет. И месяц глядит с высоты...
 Будет время – и ты на меня заглядишься...

МОРЕ СЧАСТЬЯ

Слева – поле, справа – луг,
 Позади – горячий юг,
 Море, чайки и причал,
 И волны прибрежной вал...

Та волна меня качала,
 Море счастья обещала,
 Говорили мы с волной
 О тебе, мой дорогой...

Но отхлынула волна,
 И осталась я одна...

Елена ПЕРМЯКОВА

КУКЛА ЖЕНЯ ЛИЗУ ПРОСИТ

Кукла Женя Лизу просит:
 – Ну пойдём к Наташе в гости,

Чтоб на площади у ёлки
 Хоть разок скатиться с горки.

Лиза Жене отвечает:
 – По морозу не гуляют,

Потому, что он сердитый,
 В шубе, инеем подбитой,

Ходит, бродит во дворе,
 Нос кусает детворе.

Ну а мама разрешила
 И гулять их отпустила:

– Только не ходить в сугробы,
 И теплей оделись чтобы.

Почему же отпустила?
 Мама Лизе объяснила:

– В дождь, жару, любую стужу
 Свежий воздух очень нужен!

Марина МАЛЬЦЕВА

Я ВЧЕРА ДИКТАНТ ПИСАЛ

* * *

Я вчера диктант писал
 Многих слов не понимал:
 Что такое рожь, пшеница,
 Что такое «колосится».

Или лошадь – что за зверь,
 Не слышал о нём, поверь.
 Слово странное «комбайн»,
 Что-то схожее с «бабай».

Ну а что такое сеять?
 Культивировать, пахать?
 Ну а что такое жать
 Да в снопы всё собирать?

Я не знаю, вот беда!
 И не знал я никогда.
 Ну, конечно, где мне?
 Я живу в деревне.

Галина БЫЧИНА

НЕВЕСЁЛЫЙ РАЗГОВОР

- Умирает деревня моя...
- Что же делать?
- Поверь, я не знаю...
- Зарастают травой поля,
 И луга без людей погибают.
 Молодые не едут сюда...
- Старики?...
- Старики умирают.

Вячеслав ЗАХАРОВ

ДАЧНОЕ

Сосед берёзу подрубил –
 Пусть не растёт, а засыхает,
 И на вопрос мой объяснил:
 – Она участок затеняет.

А было это по весне,
 Ещё с берёзы сок струился,
 И ствол её, казалось мне,
 Слезами жгучими залился...

Недолго я вокруг ходил –
 Зачем опять браниться даром.
 Берёзе раны залечил –
 Из баночки, садовым варом.

Но время быстрое летит.
 Картина дня того забыта,
 А вот берёза та стоит,
 Листвой зелёною покрыта.

И стало на душе светлей.
 Так пусть об этом каждый знает:
 Деревья не наводят тень,
 Они нам души просветляют...

Валентина БУГАЙ

ВОШЬ НА ГРЕБЕШКЕ

Сидела Вошь на гребешке,
 Так, на уме сама себе,
 И усмехаясь злобно,
 Врала правдоподобно.
 На днях поссорила она
 С одной Вороной Кабана
 И принялась Лягушке
 Нашёптывать на ушко:
 Кабан, мол, сушая свинья,
 Об этом точно знаю я,
 Его свиное рыло
 Пора пустить на мыло.
 Ответила Лягушка
 Почёсывая брюшко:
 «Коль мыло станут выпускать,
 Тогда уж Вшам несдобровать»

Леонид ОЛЮНИН

СЕРЬЁЗНЫЙ РАЗГОВОР С ЖЕНОЙ

– Всё! – сказал жене я. – Хватит!
 Домократия небось!
 (Да, случается, накатит,
 Так накатит, хоть ты брось!)

Завязали с диктатурой! –
 Прочь, как старое пальто.
 Поневоле будешь хмурым.
 Я мужчина или кто?

Надоело до икоты
 Штопать, стирать и белить.
 Все домашние заботы
 Станем поровну делить.

Я бы тоже телевизор
 Мог смотреть, да дел гора.
 Поймай же совесть, Лиза!
 Убери хоть со стола.

Переломишься!.. Да что ты!
 Молотить заставил рожь!
 Так всегда: придёшь с работы –
 Ужин съешь и кресло мнёшь.

На меня всю жизнь без спроса
 Валишь, словно на слона...
 Но за шумом пылесоса
 Слов не слышала жена.

Владимир МАЙОРОВ

МЫ НАДЕЯЛИСЬ, ЕЩЁ НАДЕЯЛИСЬ

* * *

Мы надеялись, ещё надеялись,
 Хоть и знали – любовь прошла.
 Но тянулись к ней, словно грелись
 У догорающего костра.

Нам бы горечь обид забыть,
 Нам бы несколько тёплых слов.
 ...Еле-еле костёр горит,
 И никто не подбросит дров.

Словно нас охватил недуг.
 Так и ждали бы до сих пор,
 Но безжалостный ветер вдруг,
 Разбросав, потушил костёр.

С той поры, где бы я ни был,
 Всё мне кажется до утра –
 То не звёзды рассыпаны в небе,
 А искры того костра.

Мне бы их, обжигая ладони,
 Все собрать и тебе принести...
 Только руки в пространстве тонут.
 Только где мне тебя найти?

Любовь БАКАНОВА

ТЕПЕРЬ ТЫ МОЙ

* * *

Мой телефон молчит
 Который день подряд.
 Я слышу, как в ночи
 Соседи говорят.
 Как бьётся о стекло
 Берёзовая прядь.
 И я тебе назло
 Не стану трубку брать.

ТЕПЕРЬ ТЫ МОЙ

Теперь ты мой!
 Я знаю это точно.
 Освобождённый от семейных уз,
 Ко мне во снах теперь приходишь ночью,
 И сбылся... наш несбыточный союз!

Теперь ты мой!
 Как ни сопротивлялся
 И прикрывался гордостью при том.
 Покинув мир земной, во мне остался,
 Хоть в небесах теперь твой вечный дом.

Теперь ты мой!
 И что ни пожелаю,
 В моих любовных снах исполнишь ты...
 ...Горит в руке свеча, и я сгораю
 Невоплощённой искоркой мечты.

Елизавета РОЖКОВА

СКАЖИТЕ АДРЕС У ЛЮБВИ

На высоте шестого этажа
 Живёт любовь двух маленьких людей.
 Их голос разлетается, дрожа,
 До стен и до незапертых дверей.

В их комнате потушена свеча,
 Но кто-то им читает вслух рассказ –
 Любовь.
 Она шатнётся сгоряча
 И неожиданно поселится меж нас.

Губами исцелован воздух тут,
 И теми же губами исцелён,
 И болен, если нежности – недуг,
 И покорён бессмертьем, покорён.

Вечерний чай из чашек не допит,
 Остыл и не заслужит похвалы.
 Он, вероятно, попросту забыт,
 Как позабыты стулья и столы.

Теплом уютным излохмачен плед,
 И трубка телефонная вдали.
 Квартир похожих много, но секрет –
 Что только эта – адрес у любви.

Татьяна СИДОРОВА

Я НЕ МОГУ ТЕБЯ ЗАБЫТЬ, СЛЫШИШЬ?

* * *

Я не могу тебя забыть, слышишь?
Я поднимаюсь от земли, видишь?

Лечу стремительно я в высь, к свету,
В надежде, что тебя найду где-то.

Я не могу заснуть одна ночью.
Тырываешь сердце мне в клочья.

Я не могу тебя понять – сложно.
Ты лучше обмани меня – можно.

Ты сердце до конца разбей махом,
Чтоб стала вся моя любовь прахом.

Чтоб билось сердце при тебе тише,
Чтоб опустилась я с небес ниже.

Забыть про карие глаза нужно,
Порвать с нелепою твоей дружбой,

Не помнить нежные твои руки,
Навеки утопить в вине муки,

До крови обломать свои крылья...
Я всё равно люблю тебя сильно.

Юрий СМЕРНОВ

ПОЗОВИ

Календарный лист просроченный,
Не жалея, оторву,
Мне сойти бы на обочину
И, разувшись, лечь в траву.

Снится часто моя отчина.
Мостик, ручеёк, овраг.
Моё детство на обочине –
Покосившийся барак.

Ничего, увы, не мину я...
Одиноко пообедав,
Заведу, скрипя пружиною,
Патефон старинный дедов.

Первенцем была беременна,
Я любил, да вот беда –
Я ушёл, казалось, временно,
А случилось – навсегда.

Позови, скучаю очень я,
Пусть не друг, да и не враг.
Точно в детство, на обочину,
В покосившийся барак...

Татьяна СНЕЦКАЯ

И МНЕ ОСТАЛИСЬ ТОЛЬКО НЕ...

УШЁЛ...

*Галине**Поплачь, родная, станет легче...*

Ушёл...И больше не придёт..
 И – новый в жизни поворот.
 И мне остались только НЕ..
 НЕ скажет, НЕ услышит, НЕ войдёт..
 Я не хочу за этот поворот!

МАРТ

Ну вот и март пришёл, отзимовали.
 Каплями звеня весна спешит.
 И хоть зима морозит и пуржит,
 Свои права она вернёт едва ли.

Елена ЖУРОВА

ЗАНОВО НАЧАТЬ

МОЛЧАНИЕ

Не дарит счастье битая посуда –
 Так стоит ли её напрасно бить?
 Я, как и ты, не верю больше в чудо.
 Попробуй-ка меня разубедить!

Вон за окном январский снег кружится,
 Всё предлагая заново начать.
 Пробило полночь. Мне опять не спится.
 Набрать твой номер, что ли? И – молчать!

ЗАВИСТЬ

Зависть, словно острая игла,
 Уколола в сердце ненароком.
 И простить тебя я не смогла,
 И теперь мне очень одиноко.

Сердце бьётся, словно мотылёк...
 Слезы не к лицу, я это знаю,
 И моим знакомым невдомёк,
 Отчего так горько я рыдаю.

Татьяна ЗАОСТРОВСКАЯ

НЕЖНАЯ МЕДУЗА

Да, нежность, и всего лишь нежность.
 Привычный вздор простой кокетки.
 Слова – игрушки и конфетки,
 И расставанья неизбежность

Да знаешь, знаешь ты, конечно,
 Игры законы и порядки.
 И потому во тьме крошечной
 Мои запутываешь прядки.

Ты, как беглец перед уходом,
 Свои расставил всюду метки,
 И всё глупее с каждым годом
 Мои стрекательные клетки.

Полутона, полудвиженья
 Сломали ритма осторожность.
 Ты не забудешь эту нежность:
 К ней рифма – только «невозможность».

Анастасия ЮШКОВА

СЕРДЦЕ ПРОСИТ СЛОВА

* * *

А дождь, как шаловливый мальчуган,
 На улицах опять накуролесил,
 Как будто кто сорвал на небе кран
 И на деревьях капли поразвесил.

Пузырчатые лужи, ветра шум,
 Журчание потоков по дорогам.
 Раскинулся озона парашют,
 А вот у горожан промокли ноги.

По куполам расправленных зонтов
 Свои природа отбивает звоны.
 Прохожие спешат зайти под кров,
 Не понимая осени законы.

* * *

Из флакона духов в долгожданный круиз
 Отпускаю легко ароматного джинна.
 Пусть неслышно летит: влево-вправо, вверх-вниз,
 Чтобы шейным хондрозом страдали мужчины.

И никто не узнает, что в прошлом была
 Не любовь, а страстишка, не дружба – интрига.
 «Неужель та, что мимо сейчас проплыла,
 Любит Шуберта, Моцарта, Баха и Грига?»

«Да, люблю!» – им ответу без тени стыда,
 И неважно, что грамоты нотной не знаю.
 И эпоха не та, и сама я не та,
 А избранник мой джинном по свету летает.

* * *

Опускаются руки, и падаю ниц,
Закрываю глаза.
И не дождь, и не град, просто из-под ресниц
Покатилась слеза.

Что со мною? Усталость, сидевшая там,
В потаённой глуши,
Сорвалась и помчалась за мной по следам.
Убегай, но дыши.

И на финишной линии будет кровать –
Это твой пьедестал.
Завтра снова заставят куда-то бежать.
Не стони, что устал.

Хапни воздуха грудью, как парус, сполна,
Киль, семь футов – вперёд,
А иначе солёная жизни волна,
Вдарив в темя, убьёт.

В ГЛУБИНАХ ПРИЗАШТОРЕННОЙ ДУШИ

Блаженным сном на миг забыться,
Вкусить его простецкий шик.
И с аквалангом погрузиться
В глубины собственной души.

Мечты дельфинами ныряют,
Причудлив каждый кувырок,
И плавниками ударяют
В закатный солнца диск, как в гонг.

Пираньями проблемы рыщут,
Выискивая, где щипнуть,
И камбалой ползут по днищу
Проблемы, маскируя суть.

Из глубины, наверх всплывая,
В ладони лунный шёлк набрать,
И океан прикрыть вуалью,
Чтоб лишь ночами открывать.

* * *

Ты.
Цветы.
Поцелуи.
Речи.
Был.
Забыл.
Упустил.
До встречи.

Друг.
Любовь.
Расставанье.
Ревность.
Тишина.
Одна.
Не пьяна.
Скверно.

Прочь.
Ночь.
Сны.
Ветер.
Ты.
Мечты.
Крах.
Пепел.

ПРОРОК

Плодотворно и много пишется,
А до этого – хоть бы строка.
Может, тронулся автор крышею
Иль с катушек сошёл слегка?

А быть может, весна по темени
Кулаками озона дала?
И, затерянные во времени,
Обнаружились два крыла.

Над созданием мира потрудится
И над детищем воспарит.
И, кто знает, быть может, сбудется
То, что он в бреду говорит.

СТРАННИЦА

По переулкам ямбов и хореев
Ползла душа, израненная в кровь,
Которую давно ничто не греет:
Ни вера, ни надежда, ни любовь...

Без счёту раз обманывали веру,
Надежду обрезали на корню,
Любовь всегда оказывалась серой,
Как дым печной. (О чём я говорю?!)

Добравшись кое-как до перекрёстка,
От боли задыхаясь и хрипя,
Она поймала встречную повозку.
«Садись, родная! Подвезу тебя!»

Как в диафильме, кадры замелькали,
Глотая разухабистость дорог.

Возницу вы отыщете едва ли!
Да и карета отслужила срок!

Наперекор всему, сменив карете
Избитое дорогой колесо,
Упрямая душа куда-то едет.
За ней струится времени песок.

* * *

День растворился в ближнем свете фар,
И темноту спугнув, вспорхнула птица.
Так начинался над землёй пожар,
Наутро обречённый повториться.

Так странно: засыпая, мир горит
И, просыпаясь, полыхает снова.
Душа сумбурно о своём молчит,
А сердце неустанно просит слова.

* * *

Оборот листа
(По латыни – verte) –
Как душа Христа
Накануне смерти.

Оттиски пера –
Как следы побоев.
Вечером вчера
Умирали двое:

Лист, что был согрет
Почерком невнятным,
И ещё поэт,
Людям непонятный...

* * *

Кофейный сумрак синькою подкрашен,
 И все, кто с биоритмами в ладу,
 Уже давно сопят, и слышно даже,
 Как к ним, спеша, на цыпочках идут
 Десятых снов волшебных вереницы,
 И лишь одно окно пока «горит»,
 А там, за плотной шторой, не спится
 Тому,
     кто напролёт всю ночь строчит.

Не потому ль рассветною порою
 Так дивно озаряется восток,
 Что кто-то там, за шторой набивною,
 Из чаши ночи делает глоток?

* * *

Падать вверх и чётко видеть дно
 Широко закрытыми глазами,
 Вставить в предложение одно
 С верхом переполненную память,

Ветер укротить струёй волос,
 Над землёй взлететь свободной птицей,
 И смеяться над собой до слёз –
 Вот что значит гением родиться.

Геннадий ВЕРШИНИН

ТАЙНА

Поэма о любви

– Чем же ты, скажи, сынок,
 Так обеспокоен?
 Может быть, ты занемог?
 Горе ли какое?
 – Как же мне не горевать?
 Уж не до веселья.
 Что в деревне говорят,
 Знаешь ты, наверно?
 Мол, жена моя того...
 Спугалась с соседом.
 Сын-то наш ведь весь в него.
 Разве не заметно?
 Толковал про то я с ней.
 Плачет да и только –
 Дескать, нет вины моей,
 Наш с тобою Колька.
 Я и сам поверить рад,
 Но сомненье гложет:
 Колька –
     вылитый Кондрат,
 Ну, во всём ведь схожи.
 Даже волос у него
 Тот же кучерявый.
 Нет ни капли моего,
 Не пойму я, право.
 Но опять же наш сосед
 Ей в отцы годится.
 Не могла Марийка, нет,
 Вряд ли соблазнится.
 Ну а если слухи те
 Подтвердятся разом,
 Жить не дам ей в срамоте.
 Порешу заразу!

* * *

Мать внимательно слушала сына.
 Сердце билось в тревоге сильней.
 О мужской, о сыновней кручине
 Всё известно давно было ей.
 Пересуды, что шли по деревне, –
 Мать, конечно, слыхала о них.
 Как же жгучую тайну доверить?
 Жить-то как ей потом средь родных?
 И молчать ей нельзя уже больше:
 Распадается, гибнет семья.
 – Ой, сыночек родимый, Егорша,
 Грех на мне. Виноватая я.
 Да, в тот вечер она и решилась
 Сыну всё до конца рассказать –
 Как судьба у неё не сложилась...
 Но с чего же,

с чего ей начать?

* * *

Душистый цвет сирени
 Плывёт в ночной тиши.
 В деревне за Иренью
 Девчата хороши.
 Но краше всех, бесспорно,
 Средь них была одна –
 Румяная и стройная,
 Как юная весна.
 У Любушки-голубки
 Коса почти до пят,
 И цветом незабудки
 Глаза её горят.
 Характером приветлива,
 В работе как огонь,
 И на гулянке первая
 Пройдётся под гармонь.
 По ней вздыхали парни,
 Но ей был люб Кондрат,

Который на тальянке
 Большой мастак играть.
 Да и ему по сердцу
 Любашенька пришла,
 Влюбился он в соседку –
 С неё не сводит глаз.

* * *

Осень рыжею походкой
 Начинает свой обход.
 В расшитой косоворотке
 Парень свататься идёт.
 Сваты в доме речь заводят
 О товаре для купца –
 Дескать, ваш товар подходит
 Для Кондрата-молодца.
 Но Степан, отец Любаши,
 Был другого мнения:
 – Не отдам я дочку нашу,
 У меня сомнение.
 Парень ты баской, плечистый,
 Ну, а чем ещё богат?
 Быть женою гармониста?
 Нет, не сладим мы, Кондрат.
 Жизнь не только лишь веселье,
 Песни, пляски, хоровод.
 Нет, для жизни для семейной
 Гармонист не подойдёт.

* * *

С неба звёздочка вниз покатилась
 И погасла в начале пути.
 Шепчет парню девчонка: – Мой милый,
 Провожать ты меня не ходи.
 Против воли отца не пойду я,
 Отдают за другого меня...
 Только знай – всё в душе сберегу я.
 Вот свидетелем
 – наша луна.

Не забуду я эту тропинку,
 По которой шагали вдвоём.
 Место встречи под этой рябинкой
 Навсегда будет в сердце моём.
 Всё со мной – и закаты, рассветы,
 Что делили с тобой на двоих.
 Разве можно забыть мне всё это?
 Отчего ж ты, мой сокол, притих?
 – Думу думаю, Любушка. Может,
 Укатить нам отсюда тайком?
 Будь что будет. Авось Бог поможет.
 Всё уладится после, потом.
 – Нет, любимый мой, это не выход.
 Не простит мне отец никогда.
 Пусть хлебну в этой жизни я лиха –
 Что поделаешь? Видно, судьба.

* * *

...Всей деревней на свадьбе гуляли,
 Веселились всю ночь до утра,
 Молодым «Горько! Горько!» кричали,
 Любовались невестой Петра.
 Меж собой рассуждали селяне:
 – Ох, не промах, не промах Степан.
 Выбрал зятя себе по карману –
 Из зажиточных, крепких крестьян.
 – Двух коней, молотилку, корову
 Молодым выделяют. – Вот-вот,
 Строить дом собираются новый.
 – А с Кондрата какой намолот?

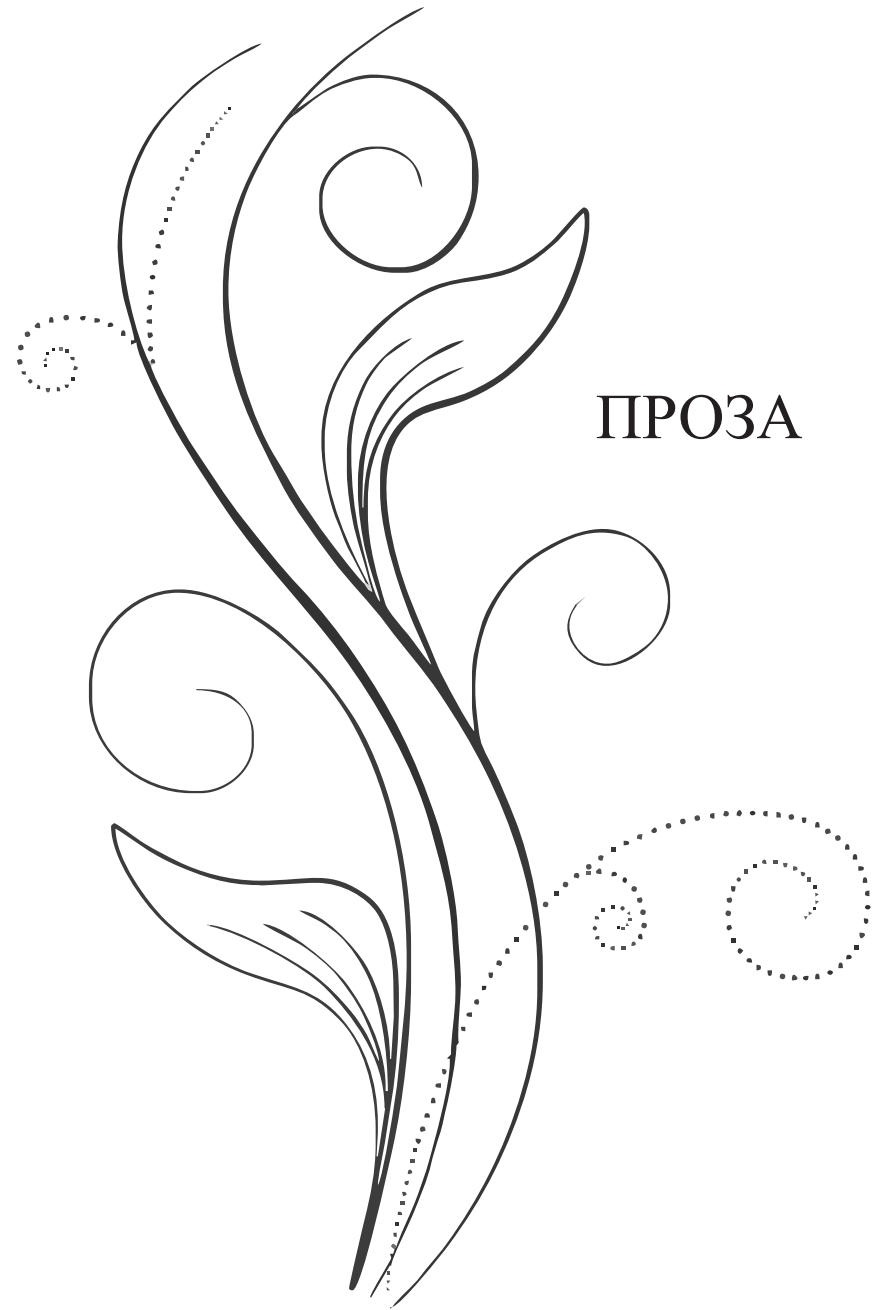
* * *

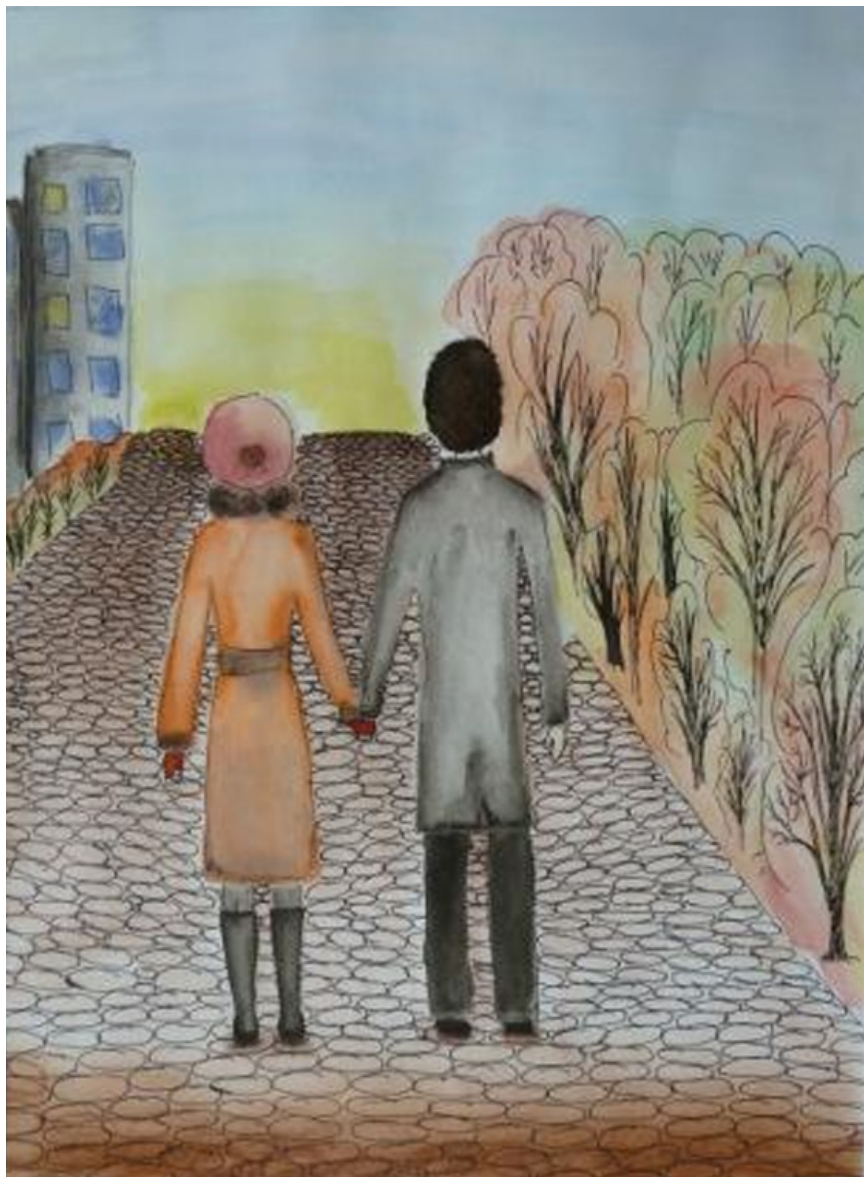
А тот ушёл от глаз людских подальше,
 В лесной сторожке свадьбу отмечал,
 Пил третий день, что не бывало раньше,
 Однако хмель совсем его не брал.
 Глушил тоску рыбалкой и охотой –
 Не помогало. Думы об одном:
 За что же конь его на повороте
 Так круто обошёл с седоком?

Шагал Кондрат исхоженной тропинкой,
 Вдруг увидел – в прогале меж берёз
 Мелькнула чья-то синяя косынка.
 Была она знакомая до слёз.
 Да и Любаша милого признала,
 Рукой махнув, сбежала с бугорка:
 – У нас бурёнка нынче потерялась.
 Ищу её. А встретила... бычка?
 В глаза ему взглянула виновато,
 К груди припала, дух переводя.
 Забилось сердце гулко у Кондрата:
 – Люблю тебя. Люблю одну тебя.
 Он осторожно взял её на руки,
 В зарод душистый бережно понёс...
 А ей казалось, что сердец их стуки
 Услышать могут за десятки вёрст...

* * *

– Вот теперь обо всём ты и знаешь.
 Если сможешь, прости свою мать.
 Но плохого не думай о Маше.
 Ни при чём она. Мне отвечать.
 – Так выходит, что я сын Кондрата?
 А Николка – родной его внук?
 Кто ж отец у сестёр моих, брата?
 Как в индийском кино. Ну и ну!
 Мать на реплику сына смолчала,
 Как-то сникла, в момент постарев.
 – Засиделась я, – тихо сказала.
 – Да и тёмно уже на дворе.
 ...Шла Любаша тропинкой вдоль речки.
 Всё знакомо – мосток, пережат.
 Здесь когда-то на девичьи плечи
 Свой пиджак ей накинуд Кондрат.
 Задержалась у Чёртовой ямы,
 От воды потянул холодок.
 А наутро нашли меж кустами
 Её старенький синий платок...

Дмитрий БУТКО

ВОЗДУХ

Новелла

(Из цикла «Четыре стихии»)

Какое лёгкое это слово – воздух!

И как тяжело падать, проламываясь сквозь него. Всего ради каких-то десятых долей секунды, на которые перестаёшь чувствовать себя рабом притяжения и испытываешь иллюзию свободного полёта. Всего лишь иллюзию, за которую расплачиваешься ежедневными выматывающими тренировками, литрами пота, километрами нервов, болью и страхом падения. «Работая воздух», нужно уметь многое. И одно из самых важных умений – это умение прыгать.

Вот ты стоишь, маленькая, сильная, натянутая, как струна. Ап! Но сальто не идёт. Нет вращения. Нет прыжка. Нужно набивать мышцы ног, натаскивать себя на прыжок. Как легко переворачиваются гимнасты на выступлении! Такое ощущение, что они ничего не весят. Летают, как птицы. Это – лицевая сторона. На изнанке – тяжёлая работа.

Тысячи прыжков в зале и тысячи падений в пол. И подниматься снова и снова. И опять заставлять себя прыгать и переворачивать своё, такое тяжёлое, тело. И снова падать. И снова вставать. Пока ноги не превратятся в стальные рычаги. В пружины, которые переворачивают тебя, как пушинку. Но это ещё не всё.

Теперь нужно поднять трюк в воздух. Как бы ты ни была уверена в себе, сердце сжимается, когда стоишь на семиметровой высоте. Даже на тренировке, даже на страховочной лонже. И ты ждёшь, собирая себя в тугий комок мускулов и воли. А долго собираться нельзя, потому что ты стоишь на партнёре, который висит ногой в петле и держит на ней сто двадцать кило вашего общего веса. И в этот момент ты ненавидишь всё – и себя, и ту одержимость, которая гонит тебя на трюк, и свою гордость, и свой страх, и особенно команду: «Ап!»

Ап! И ты бросаешься вниз. Страховка резко бьёт тебя по рёбрам. Не пошёл трюк. И снова наверх. Это всего лишь семь метров. Потом будет гораздо выше. Это бамбук. Простая металлическая трость с кожаными петлями. Сколько километров намотаешь ты, залезая на него и

обрываясь вниз, и снова залезая. Цепляясь скользкими от пота руками и срывая до мозолей кожу.

Женские руки. Руки вольтижёра, такие мягкие и нежные сверху и такие жёсткие на ладонках. Они стесняются своих рук. Сильных, с выступающими жилами. С синяками и рубцами от троса лонжи. Улыбаются смущённо и прячут их за спину. Эти маленькие женщины с ослепительными улыбками и жёсткими руками. Такими сделал их «воздух». Кто-то спрашивает постоянно: «Зачем? Зачем вам всё это?»

Как объяснить, что такое радость от удавшегося трюка? Когда работаешь и месяц, и два, расшибая в кровь руки и ноги, просыпаясь ночами от боли в отбитых ступнях. А потом вдруг начинает получаться.

Надо ли объяснять, что есть на свете чудачки, которым нравится удивлять людей. Без этого жить им скучно и неинтересно. Мало кто знает, что такое цирк изнутри. Тяжёлая работа, а снаружи – радостная улыбка, лёгкость и грация. Кураж, который появляется, когда публика ахает и удивляется, замирает и восторженно аплодирует. И ты спускаешься с «воздуха» в этот яркий мир восторга.

Спускаешься со звёзд в тёплый, уютный круг. В манеж. Такой надёжный и спокойный после зыбкой, оглушающей пустоты. И такой холодный, твёрдый и жёсткий, когда падаешь в него сверху. И такое бывает. Цирк не прощает ошибок. Даже лучшим. И никогда не объяснить, почему после всех падений, травм, неудач люди возвращаются на высоту. И идут на новые трюки сквозь пот, боль и слёзы. Таким нужно родиться. Может быть, в прошлой жизни, если она существует, они были птицами? Может быть, именно так дано им помнить потерянный рай, где они могли летать? Иначе откуда эта тоска по высоте, когда под рукой только жёсткая петля и железо, а под ногами – крохотный сверху манеж?

Эта тоска навсегда, ведь случайные здесь просто не приживаются. Зато многие из состоявшихся, по здоровью потеряв возможность жить «воздухом», умирают от этой тоски. Приходите и смотрите вверх, на людей, которые летают, как птицы. Они – сказка манежа, его загадка, без которой не может жить его величество Цирк.

Дмитрий БУДКО

ИДУЩАЯ СОЛО

Новелла

(Из цикла «Сага о странных танцах»)

Ветер. Ветер и розовые с белым лепестки сакуры. Розовые хлопья, трепеща, как крылья сотен маленьких бабочек, свиваются в рукава и причудливые снежно-розовые спирали. Резко потянуло холодом, и грянула тишина. Лишь бешеный стук уставшего сердца и маленькая фигурка танцовщицы под брезентовым небом цирка. Тихо пошёл снег.

Вкрадчиво перемешиваясь с летящими лепестками вишни, снег создаёт вокруг девушки ледяное кружево цветов в розовых бликах рассвета, похожих на кровь, мистическим образом превращая его в подобие платья. Небо покрыто льдом. Трудно дышать.

Белая фигурка Коломбины мечется в поисках выхода. Девочка-девочка, пламя и лёд! В сердце кровь кулаками бьёт! Пальцы изрезав о стену льда, кровь кулаками бьёт! Сумасшедшая пластика и яростный напор с ужасающей силой ударяют в ледяной колокол Неба. Вечность, не выдерживая этого всплеска, идёт трещинами, оседает и падает к ногам маленькой девочки, совершившей невозможное. Уходит музыка, а вместе с ней – и пьянящее чувство вседозволенности и всемогущества. Остаются струны порванных нервов, слабо звенящие на зимнем ветру, да сорванный перестук изношенного, обугленного сердца...

Так, шаг за шагом, выплетает танцем алмазную скань своей судьбы Идущая Соло. Поющая телом, вывязывающая музыку движений, выющая бешеное кружево невероятных прыжков и затяжек. Глядя на этот обжигающий душу самоубийственный выплеск энергии, хочется закричать от странно сладкой и одновременно щемящей боли в сердце. Хочется ударом кулака выбить пыльные фрамуги наших мозгов в сумасшедшую реальность Дали. Обрезая пальцы о бритвенно-острые края нашей серости, заглянуть и упасть в безумное, тяжёлое небо Ван Гога. Оскальзываясь на осколках наших предрассудков, уйти в яростные закаты Мане, сказки Врубеля и жуткие ярмарки Босха. Ощущение, словно ты окунулся в вулкан. Секунду тебе дали побыть Богом и всё отняли! Ты ничего не можешь. Ты потрясён. Это время Идущей Соло!

В этот момент она кажется непогрешимой, как языческая богиня. Она может всё! Выткать танцем небесный холст и заплести косы звёздам. Подержать в руках твою душу, поиграть с нею и отпустить. Просто натянуть нить твоего взгляда, отточенной чувственностью до остроты бритвы, над пылающим адом сцены, и легко пробежать по ней, ни разу не оступившись и не порезав своих маленьких изящных ступней, туда и обратно. Смотреть этот взгляд в клубок и повести тебя абсолютно иными коридорами пространств и времени. Приоткрыть завесу над горизонтом другого мира и вдруг одним жестом оборвать нить этого горизонта. И снова уйти в мир теней, загадок и тайн.

Мир Идущей Соло. Мир её Одиночества. Ведь Гений, Талант и Любовь, если они по-настоящему сильны, обречены на одиночество. И каждое из них – лишь одна из бесчисленных граней непостижимой реальности, имя которой – Женщина, идущая Соло. Хотя... Быть может... Когда-нибудь... Кто знает...

Леонид ОЛЮНИН

ДО ПЕРВОГО ГОЛА

Сказка

Играл шенок Оська в футбол. Один играл. Одному играть не очень-то интересно. Но Оська поставил в ворота полено и забивает ему голы, хоть для полена – всё равно, сколько ему голов забьёшь, десять или сто...

Много Оська голов забил, даже считать перестал, полено – не шелохнётся.

И увидел Оська идущего по забору котёнка Коську.

– Эй, Коська! – крикнул Оська. – Будешь со мною в футбол играть?

– А разве котёнку с собачонком можно играть? – удивился Коська.

– Мама моя говорит – нельзя. И ещё она говорит, что собак нужно опасаться, – они задиристые, вздорные, любят по пустякам лаять. А кошки – благородные животные, от них львы произошли.

– Хорош лев! – засмеялся Оська. – По забору ходит – на землю спуститься боится. А мой папа сказал, что кошки – самые бесполезные животные. Они способны только выпрашивать сметану и греться возле батареи.

Сначала Коська хотел здорово обидеться на слова щенка, но передумал. Ему тоже было неинтересно одному ходить по забору. И он спросил Оську:

– А если я буду с тобою играть в футбол, ты не станешь драться?

– Конечно, не стану.

Коська спрыгнул с забора, и игра началась.

Вдвоём играть в футбол – совсем другое дело! И в ворота мяч забить нелегко, и время незаметно бежит. Не заметили футболисты, как вечер наступил...

– Оська, домой! – послышался голос Оськиного папы...

– Коська, домой! – донёсся голос Коськиной мамы...

Жаль прекращать игру, но что поделаешь – поздно уже, домой зовут...

– Ты почему весь потрёпан и в пыли? Опять с кем-то подрался? – спросил папа Оську, когда тот пришёл со двора.

– Нет, не дрался, я с Коськой в футбол играл, – ответил Оська.

– Как?! – одновременно удивился и возмутился папа. – Ты, собачонок, с котёнком играл в футбол? Какой позор! Какой позор! Нет, из тебя никогда не получится настоящего пса...

– Ты где так извозился в глине? – воскликнула Коськина мама, когда Коська появился на пороге.

– А я с Оськой в футбол играл, – ответил Коська.

– С Оськой в футбол?! – испугалась мама. – Какой кошмар! Да где это видано, чтобы кошки с собаками играли в футбол? Ах, мне нехорошо! Придётся опять принимать двойную порцию валерьянки...

На другой день Оська опять один играл в футбол. Он то и дело поглядывал на забор – не появится ли Коська. Коська не появлялся – сидел у трубы на крыше, поглядывал на Оську. Коське тоже очень хотелось побегать за мячом, но ведь мама... Ей опять будет плохо...

Почему на свете так заведено – почему котёнку нельзя играть с собачонок?

Но тут Оська увидел Коську.

– Эй, Коська, ты чего там сидишь? Слезай скорее: я тебя давно жду.

– А мне мама запретила, – ответил Коська.

– Запретила? – тяжело вздохнул Оська. – И мне папа запретил... А может, мы всё-таки поиграем немножко? Ну хотя бы до первого гола?

– До первого – можно, – согласился Коська и слез с крыши.

Весёлая игра началась. Голы посыпались – то в одни, то в другие ворота... Быстро наступил вечер...

– Оська, домой! – слышался голос Оськиного папы.

– Коська, домой! – донёсся голос Коськиной мамы...

Жаль прекращать игру, но что поделаешь – поздно уже, домой зовут.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Заключительная глава повествования, в начале которого его главная героиня Маша после переезда в новую квартиру знакомится с проживающим в ней домовым Ктонийбудом и его внуком Чтошкой, и вместе они совершают путешествие в прошлое Урала и города Березников.

ОТ СОЛЕВАРНИ ДО НАНОУГЛЕТАНА

– А куда мы отправимся сегодня?

Маша прямо подпрыгивала от нетерпения. Рядом скакал не менее нетерпеливый Чтошка.

– Дети, не мельтешите перед глазами! Чтошка, сядь на стул, а то молоко прольешь! Маша, а тебе лучше на нём не качаться, упадёшь! Так, ну хорошо. Сегодня мы отправимся в 2356 год, – начал свой удивительный рассказ Ктонийбуд.

– А почему так далеко? – удивилась Маша.

– Потом поймёшь. Но сначала я должен вам кое-что рассказать. В прошлом нас никто не видел, так как Маша ещё не родилась, а домовых могут видеть только их хозяева и особо почётные гости. В будущем же всё будет по-другому.

Чтошка и Маша удивлённо переглянулись.

– Нас с Чтошкой никто так и не увидит, но вот Машу – вполне возможно. Поэтому, – старичок хитро улыбнулся, – я порылся в моем старом чулане и кое-что нашёл.

Под удивленные возгласы ребят Ктонийбуд достал из кармана... старую маленькую красную шапку.

– Фо эфо? – удивлённо спросил Чтошка.

– Это, детки, не что иное, как шапка-невидимка!

Старый домовый был явно доволен произведённым эффектом. Он водрузил на девочку шапку и тихонечко нажал на маленький камешек в середине.

– Деда, но феть её фсё фафно фидно! – непонимающе прошепелявил домовёнок.

– Для нас – да, она видима. Она же наша младшая хозяйка! А вот другие её вряд ли увидят. Ну что, отправляемся?

И снова закружил их радужный вихрь искр. И Маша начала фантазировать, что же она увидит в будущем. «Наверное, мы под землю переселимся, – подумала девочка, вспоминая о провалах. – Ведь, как говорит

папа, с нашим «химически-экологически-разрушающимся положением» нам можно только или переселяться, или придумать какое-нибудь решение проблемы. Так почему бы не переселиться под землю? А мама ещё как-то раз сказала, что с такой диффузией газов ни одно дерево в городе не выживет... Получается, то место, куда мы попадём... там не будет деревьев?!» – ужаснулась малышка, искренне любившая природу.

Задумавшись, девочка никак не ожидала увидеть место, на котором они вдруг очутились. Высоко вверх уходили верхушки деревьев и стояли они так близко друг к другу, что пройти между ними не было никакой возможности. Однако Маша смогла увидеть между стволами деревьев большой, диаметром метра в два, серый столб.

– Деда Ктонийбуд, а где мы? – спросил Чтошка.

– Где-где, – проворчал тот. – В 2256 году.

– Но как же...

– А так, – объяснил старичок, сидя на одной из раскидистых ветвей, – что к концу XXI века ситуация в нашем городе стала более чем ужасной. Государству пришлось заняться решением этой проблемы, ведь наш город был не единственным, где это случилось. Тогда и появился проект «Крыша неба». Но подойдём поближе к наноуглетанной колонне.

Не обращая внимания на лица удивлённых ребят, Ктонийбуд стал пробираться сквозь густой лес, продолжая объяснять:

– Всё началось с идеи одного учёного укреплять подземные карстовые пещеры и строить дома не на земле, а сваях, выше уровня моря раз в ...дцать. Начали разрабатывать материал, идеально подходящий для свай, ведь антигравы, которые на тот момент были, не могли выдержать такой нагрузки. Разработка длилась более полувека. Одновременно с её началом на улицах нашего города высадили «вековые» деревья.

Ктонийбуд кивнул на стволы окружающих деревьев и продолжил:

– Деревья были нужны для укрепления грунта и улучшения экологии. И вот наконец был придуман новейший и лучший в своём роде металл. Его научное название – nTiC3, а популярно – наноуглетан. Общие свойства этого металла просто потрясающие! Он очень лёгок, но выдерживает нагрузку более миллиона тонн, а в жидком состоянии может прекрасно укреплять всё, что нужно. Правда, для этого требуется около 500 лет. Правда, чудесно?

Маша и домовёнок утвердительно закивали, а дедушка продолжал:

– Потом всё стало проще. Люди заполнили наноуглетаном пустоты в земле, поставили сваи и начали строить на них дома. Деревья к этому времени выросли, и люди решили, что лучше жить в «свайках», как стали называть дома на сваях. Они оказались гораздо удобнее прежних домов, и дома на земле, на прежней территории города Березники, снесли. Наш город был первым, где это произошло. А сегодня половина городов России и многих стран переходят на такой «уровень» жизни.

Ах да! – воскликнул Ктонийбуд. – Есть одна особенность у наноуглетана. Его производят только в нашем крае, в других не получается. Почему – учёные до сих пор не могут понять. Но благодаря этому наш край стал чуть ли не самым дорогим и престижным в России. И город Березники простирается теперь гораздо дальше и даже занимает небольшое воздушное пространство над Камой.

В этот момент домовые и Маша подошли к одной из свай и поднялись на сверхзвуковом лифте на площадку перед домом. Их очень удивила архитектура здания. В нём не было ни одной прямой линии. Дом совсем не был похож на прямоугольные коробки домов того времени, из которого они появились. Он был сделан в виде полуовала и окрашен в яркие цвета. Основание его уходило в землю. Зрелище вокруг него просто завораживало! На сотни километров вокруг тянулась первозданная стена векового леса. Море зелени колыhalось на ветру, не касаясь при этом придомовой площадки. Ктонийбуд объяснил, что площадка окружена специальным силовым полем.

А с другой стороны дома открывался вид на город – дома и авиамангистралы. Город переливался округлыми крышами при свете яркого солнца. На площадках домов росло много цветов, а если присмотреться, можно было увидеть теплицы с небольшими огородиками.

Ещё больше удивили Чтошку и Машу летающие автомобили. Вместо колёс у них были большие антигравитационные подушки, позволяющие им подниматься в воздух.

Два стоящих (а точнее, левитирующих) чуть в стороне от города громадных здания оказались заводами по производству наноуглетана. Дым из них не уходил ввысь, а перерабатывался для поддержки энергии.

Люди в будущем стали чаще использовать солнечную энергию. Ведь сваи были построены с таким расчётом, чтоб быть выше облаков, поэтому тучи никогда не закрывали небо над этим новым городом Березники.

Вера РЫЧИХИНА

ХИТРЫЙ ЁЖИК

Сказка

Всем известно: лиса – хитрая, а ёжик – колючий. А может быть наоборот? Как наоборот? А так, что ёжик – хитрый, а лиса – колючая.

Про лису – не знаю, а ёжик хитрым может быть. Вот какая история однажды произошла в лесу.

Охотилась лиса за ёжом, она знала, по какой тропке он всегда ходит. Притаилась в кустах – ждёт. И вдруг видит... что такое? Кто это идёт? С виду – ёжик: нос пуговицей, колючки, но почему-то весь оранжевый.

– Уважаемый, – обратилась лиса к зверю оранжевого окраса. – Уважаемый, вы не видели обыкновенного серого ёжика? Он не пробежал здесь?

– Не-а, – ответил оранжевый ёжик.

– Странно! – удивилась лиса и побежала искать ворону, которая знала всё, что происходит в лесу.

Ворону она нашла быстро, та сидела на сухой сосне и чистила свои перья.

– Эй, ворона! – крикнула лисица. – ты случаем не знаешь, куда делся ёжик?

– Почему не знаю. Знаю. Перекрасился он в оранжевый цвет. В таком виде и щеголяет теперь по лесу. Ну что делается, что делается?!

– Выходит, тот оранжевый, колючий, с которым я столкнулась, и есть обыкновенный ёж, только перекрашенный? – догадалась лисица.

– Выходит, так, – согласилась ворона.

А лисица побежала на ежовую тропку в надежде столкнуться с оранжевым ёжиком. Села в кусты – ждёт. Нет оранжевого ёжика. Вместо оранжевого по тропке идёт фиолетовый.

– Уважаемый, – обратилась лиса к фиолетовому. – Вы не видели здесь оранжевого ёжика?

– Не-а, – ответил фиолетовый ёжик.

Лисица – опять к вороне:

– Нет нигде оранжевого ёжика. Мне оранжевый нужен.

– А какой есть? – поинтересовалась ворона.

– Фиолетовый.

– Перекрасился. За нос он тебя водит.

Разозлилась лиса – бегом на то место где фиолетового ёжика видела. Но на том месте не фиолетовый, а бело-жёлтый ёжик в полосочку.

– Эй, полосатый, не пробегал ли здесь фиолетовый ёжик?

– Пробежать не пробежал, но пролетать пролетал – вон на той сухой сосне сидит.

На сухой сосне сидела ворона и чистила свои перья.

«Ничего себе, уже ёжики залетали, вороньими перьями обросли!» – сказала себе лисица и пошла восвояси.

Дарья НИККАРИ

К ПЕРМИ ПРИБЛИЖАЛАСЬ ЗИМА

Новелла

Из-за горизонта медленно выходит солнце, разгораясь тёплым красным светом. Тучи потихоньку рассеиваются, утягивая за собой темноту ночи, оставляя место для алых волн рассвета. Пик картинной галереи одиноко возвышается в небе, цепляя густые облака, медленно уплывающие вдаль. Туман стелется по земле, и оттого кажется, что всю набережную окутали мягким ватным одеялом.

Я уже вступила на пустующий мост и вдохнула, как говорит моя мама, «до дна лёгких». Холодный воздух обжёт горло. Я закашлялась и продолжила свою прогулку. Шаги гулко отдаются в утренней тишине. Вот пролетела белая птица, что-то прокричавшая на своём птичьем языке. Река Кама, разбивая свои волны об опоры моста, шумит, вздымаясь, и отражает огни ещё не проснувшегося города. Холодно. В лицо дует сильный ветер, заставляя меня щуриться и постоянно убирать лезущую не в свои дела чёлку. Руки тихо замерзают без перчаток, и я, дыша на них тёплым воздухом, пытаюсь отогреть их. Увы, не выходит. Пальцы медленно белеют. Ой, это Вы там вдали? Идёте уверенной походкой, и, кажется, прямо ко мне. Но чего Вы хотите от меня? Зачем так нежно берёте мои руки своими тёплыми пальцами? Зачем греете их своим дыханием и тёплыми губами?

– Теплее? – спрашиваете Вы, смотря на меня своими шоколадными глазами.

Я безмолвно киваю и убираю с вашего лица выпавшую из копны кудрявых волос прядку. Смотрите, снег пошёл! Белоснежными крупными хлопьями осыпает и меня, и Вас, и ваши каштановые кудряшки, и мост, и мою тоненькую курточку, в которой я совсем озябла. Ой, что это? Вы снимаете свою куртку? Неужели Вам жарко? Накинули? На мои плечи? А как же Вы?

– Я ухожу, – говорите Вы и, загадочно улыбнувшись, отпускаете мою руку с заметной неохотой. – До свидания. – Вы в последний раз целуете мои согретые Вами пальцы и, оставляя свою куртку на моих плечах, уходите вдаль, постепенно растворяясь в тумане.

– До свидания, – говорю я в пустоту и возвращаюсь домой.

Уже посветлело. Внезапно выпавший снег лёг на железные поручни моста, и стало ещё холоднее. Огни города затухают, уступая место

небесному светилу. Кама уже не такая буйная, она тоже почувствовала на себе холод снега и теперь медленно замерзает. По мосту изредка движутся замёрзшие прохожие, что-то ворчат себе под нос. Я никогда не забуду эту ночь. А Ваша куртка, заботливо накрывшая мои плечи, останется знаком того, что Вы мне не приснились, такой нежный и уходящий в туманную даль.

К Перми медленно и неумолимо приближается зима.

Татьяна ЗАОСТРОВСКАЯ

ДЕНЬ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Цикл коротких рассказов*

ЗИНОЧКА

Зиночка ловко перепрыгивала лужи, обходила ямы на асфальте и перебиралась через грязь. Со стороны её лёгкая походка казалась беззаботной, как будто её обладательница вышла просто прогуляться с пакетиком в руках.

– Девушка! Девушка! – нетрезвый голос донёсся сзади. Зиночка недоверчиво покрутила головой – кроме неё никого на дорожке не было. Мужчина догнал: «Де...». Зиночка вздохнула и оглянулась. Пьяный, ещё не старый мужичок осёкся, захлопал глазами.

– Вы что-то хотели? – горько усмехнулась женщина. Мужик в распахнутой куртке не ответил, почесал в затылке и, развернувшись, пошёл обратно. «Эх, молодёжь, что с вами водка-то делает, – привычно посетовала Зина – Уже бабушку от девушки не отличают!» И снова усмехнулась про себя. Как про неё говорит подружка Наталья? «Сзади пионерка, спереди – пенсионерка», так и есть.

Зина снова засеменила по дорожке. Любимые единственные ботиночки промокали, надо было успеть дойти до магазина и вернуться, не застудив ноги.

– Зинаида! – громыхнуло рядом. Вот и Наталья, только вспомни о ней, тут как тут. – Куда несёшься, в магазин? Так подожди, я с тобой.

Зина вздохнула, правая нога совсем промокла. А Наталья, грузная, приземистая, ходила медленно да ещё успевала при этом ругать правительство, молодёжь и рассказывать о самочувствии.

Наталья прицепилась подружке за руку, шлёпала тяжело по лужам, изрекла с неодобрением:

– Чё опять вырядилась-то? И каблуки, смотри-ка. Не по возрасту, девка, не по погоде.

Наталью никто не называл «девушкой», даже с пьяных глаз и со спины.

Сама она – в круглом берете, как гриб-дождевик возвышающемся над головой, и в бесформенной тёплой куртке. Сын отдал в огороде носить, а

* Печатается в сокращении

Наталья на себя приспособила: – Перед кем выпендриваться-то? – качала головой. Хотя кому, как не ей, знать всю историю лучшего Зинино пальто и этих самых, промокающих, но красивых ботиночек. Столько лет вместе: пальто, ботинки, Зина. И Наталья, заклятая задушевная подруга.

Вот и левая нога начала промокать, а Наталья всё пересказывала сюжет криминальной передачи.

– Наташ! – не выдержала Зина. – Зачем ты это смотришь? Потом же страшно по улицам ходить.

– Мне не страшно! – Наталья хлопнула себя по бокам. – Это пусть меня боятся, я женщина суровая.

Что правда, то правда. В мешковатой куртке и растоптанных чоботах «суровая женщина» целенаправленно шлёпала к магазину. Как будто шла на охоту или на важное спецзадание. Сосредоточенно, заранее подсчитав, что надо купить. Магазин тоже выбран не случайно – самый дешёвый в округе.

Зина вздохнула: ничего не поделаешь, придётся выслушать подробности кровавой резни и дотащить на своей руке подружку. Наталья – бывший работник торговли, она всё знала про цены, приёмчики продавцов, политику правительства, на что цены повысят, а что подешевеет, если такое возможно. Благодаря ей Зина немало сэкономила, ощутимо для её пенсии

– Петровна, привет! – Натальины подружки помахали из очереди в кассу. Лена, бывший бухгалтер, Анна, бывший почтальон, ещё какие-то «бывшие». В пальто и куртках, в похожих объёмных беретах. Все здесь, пришли пораньше, весело переговаривались, стоя у кассы и около полок с продуктами. Как постаревшие, но не повзрослевшие подростки, так же подшучивали друг над другом, пересказывали новости. Кого видели, кто чем заболел, а кто и того... царствие небесное.

Болтали, обсуждали цены, перетекали дружной стайкой от молочных продуктов до витрины с колбасой. Зиночка привычно поцокала, глядя на цены. Хотелось чего-то вкусенького кроме стандартного набора. Она непрактичная, увидела любимые дорогие конфеты – и взяла. Немножко, а приятно. А сколько раз бывало – не рассмотрит цену и схватит что-нибудь, а потом на кассе стыдно выкладывать. Вот и приходилось считать до следующей пенсии.

– Разве это не унижительно! – одна из Натальиных знакомых, бывший комсомольский работник, возмущалась у витрины с колбасой. – Разве я всю жизнь работала, чтобы теперь только облизываться! Да

разве ж когда будет такое, чтобы взять, а на цену не смотреть. А то впроголодь сидим! А вот раньше...

Как Зина не любила рассказы про «раньше»! Она сразу чувствовала себя такой старушкой-старушонкой. Да, унизительно учительнице с огромным стажем, заслуженному работнику образования, подсчитывать, что лучше выбрать: колбасу, чтобы угостить друзей (сама-то она её не любила), или кусочек сыра побольше, для себя.

Зина мельком взглянула на полную тележку ораторши. Насчёт «впроголодь» бывшая комсомолка переборщила. И ей, Зине, нечего жаловаться и Бога гневить. Раньше разве не унизительно было стоять в очередях за элементарной курицей? Да что там курица, за всем, абсолютно. День за днём бегать по магазинам, биться, «доставать» любую мелочь. А к праздникам начинали готовиться за сколько месяцев? Взять тот же майонез, сейчас его – завались, на любой вкус. И никто не поверит, какой удачей было купить заветные баночки с майонезом и хранить их в холодильнике. А Зина работала в две смены и никогда не успевала «отхватить» дефицит. Сейчас хоть и сосчитаешь несколько раз, зато можно попробовать всё, о чём раньше и слыхом не слыхивали.

Наталья сначала поддакнула возмущённой «комсомолке», но, глянув на тележку, усмехнулась: – Да, Ильнична, смотрю, вся ты изголодалась, сердешная!

Ильнична, не встретив привычного сочувствия, покатила тележку к кассе, бурча проклятия правительству.

Зина поёжилась. Ноги согрелись, но сырость чувствовалась. Надо купить новые ботинки или сразу перелезть в зимние, а потом, весной, накопить и купить получше. А в этих можно походить до снега, если не так грязно на улице... или ещё мешочки надевают некоторые. Стыдно, конечно, зато ноги сухие.

Наталья деловито залезла вглубь полки, за ряды выставленных молочных продуктов, вытащила «добычу» – пачку творога, победно посмотрела на Зину:

– Учись, Зинаида! Самые свежие продукты прячут в глубине, не ленись, залезь, да на дату смотри. – Она положила пачку в тележку, привычно добавила: – А вообще-то всё это химия. Даже молоко нынешнее не киснет!

Зине стало неудобно, Наталья громко читала нотацию молоденькой продавщице, как будто та сама «нахимичила» с молоком.

Отойти не удалось. Наталья уже залезла в Зинину корзинку и пересмотрела овощи. Она упрела в своей зимней куртке, но не отступала от «воспитания» – потащила непутёвую мотовку обратно в овощной отдел. Молча, зная, что бесполезно учить, сама насобираала дешёвых перцев и помидоров из ящика с уценёнными овощами. Зиночке стало снова неудобно – она не любила рыться в этом «втором сорте», обычно там оставалось одно гнильё. Но Наталья одним ей присущим чутьём «вырыла» целёхонькие перчики и ровные помидорки.

– Что б ты без меня делала! – добытчица победно загрузила в корзинку мешочки. Да, овощи получились почти в два раза дешевле.

– Наташ, ты волшебница, – искренне прошептала Зина.

– Да ладно! – польщённая Наталья утёрла лоб, грузно навалившись на тележку, покатила к кассе.

Зиночка не удержалась и цапнула пачку дорогого для неё чая. Зато будет чем напоить подружек. Скоро же День учителя! Соберутся «девчонки», а Зина – раз, и вытащит красивую пачку. «Ну, ты шикаешь!» – зацокают языками те, кто понимает. А Зина ещё конфеток дорогих выложит. И где-то у неё припасена бутылка вина, в прошлый раз ученики принесли. А к вину – фрукты, сейчас, пока дешёвые, можно купить. Грех жаловаться! Зина заулыбалась, она любила праздники, гул гостей. Любила угощать.

И пусть Наталья всю жизнь её ругала, что она ползарплаты спускала на гостей, так сама к кому ходила? Посидеть, поболтать, обсудить сериал и новости. И подружек водила не к себе в стерильную полторку, а к Зиночке. Да и пусть, с гостями веселей. Это у Натальи – «полный пенсионный набор»: дед, как последние лет двадцать называет она мужа, дочь, сын, внуки, огород. А у Зины – только фотографии выпускных классов в тяжёлых альбомах.

Удалось пройти кассу подальше от Натальиных глаз, подружку отвлекла огородная знакомая в берете-«дождевике», она весело крикнула:

– Петровна! А я твоего деда видала сегодня, черенок лопаты торчит из сумки, деловой такой, в огород поехал.

– Да уж, хоть что-то торчит, и то ладно! – тут же отозвалась Наталья, кивая знакомой. – Хоть черенок, а всё на пользу.

Очередь готовно захихикала, даже девочки на кассах заулыбались.

Зина подождала Наталью, увешанную пакетами, взяла, как та ни возражала, половину. Свой-то небольшой, нетяжёлый получился. Смирилась, что придётся идти долго, с сумками по грязи. Прослушает На-

талыны сетования на «деда», на внука, «стр-р-рашно грамотного», на непутёвого, это ничего – только бы ноги замёрзли несильно, как бы не простыть.

Наталья, отдышавшись на свежем воздухе, решила на этот раз снова повоспитывать подругу:

– Вот проработала ты всю жизнь в школе – а толку? Ничего не скопила, хорошо и не жила, всё тебе некогда было. С чужими детьми носилась. Помню, хулиганов своих из милиции вытаскивала да дома подкармливала. И что получила? Пенсия малюсенькая, и как ты живёшь? – Наталья покосилась на Зинин лёгонький пакет.

Зина молчала, улыбаясь. Подружкино ворчание не обижало. Говорила та, в общем-то, правильные вещи. Ну, не получилось у Зиночки семью создать. Да, много она работала, вела русский и литературу на две ставки, да ещё кружки, и даже в университете подрабатывала. А копить – не копилось как-то. Путешествовала по стране. Теперь с пенсии разве накопишь.

Зашли во двор. «Здрасьти», – кивнули мужчины с помятыми лицами. Зина вздохнула – странно, столько лет подряд никогда не пустовало место у столика со скамейкой. Всегда стояли помятого вида мужички, стреляя мелочь у прохожих. Постарше, помоложе, кто-то уходил, исчезал. Им на смену приходили новые. Раньше бы их называли «тунеядцы». Встают с утра пораньше и вместо работы скидываются на выпивку.

А ведь совсем молодые есть среди них. Зиночке больше всего обидно – вот тот, лохматый справа, её ученик. Неплохой мальчишка был. Зачем он так скатился? Наталья прошла мимо мужиков, поджав губы:

– Стоят, ворюги, смотрят, кто куда из дома ушёл, чтобы ограбить. Вот и расти таких, воспитывай! Не работают, всю страну разворовали.

– Да у меня и грабить нечего, – поневоле защитила Зина бездельников, хоть сама их недолюбливала.

Не успела Наталья ещё раз «пройтись» по дворовым алкоголикам, как двое отделились от кучки и направились к женщинам. Наталья вмиг насупилась, готовая биться за свою продуктовую добычу. Зина только охнула про себя, а один из парней, старательно дыша перегаром в сторону, выговорил:

– Зинаида Ивановна, давайте помогу.

– Денег нет! – рявкнула Петровна, предупреждая внезапных помощников. Зина поморщилась про себя: «Зачем она так, всегда только

плохое видит». И, назло подруге, отдала сумки. Наталья, подумав, тоже отдала свои, всё-таки тяжелые.

Парни, виновато нагнув головы, дотащили сумки до подъезда.

– Спасибо, ребята, спасибо, Костик! – память подсказала Зине имя ученика. Костик, сутулясь ещё больше под грузом своих пятидесяти лет и похмелья, буркнул что-то в ответ и вернулся к кучке собутыльников, подволакивая ноги в растоптанных штиблетах.

Учителя «бывшими» не бывают. Зиночка знала это, потому и одевалась не по погоде, нарядно и, как могла, модно. Вот вышла бы она в бесформенном «мешке», не накрасив губы, да увидела бы жалость в глазах учеников. Нет-нет! Это просто невозможно представить. Пока сможет, она останется такой, как была в их памяти – милой, тонкой, звонкой Зиночкой.

– Ты это, – Наталья забрала у Зины сумки, открывая свой подъезд, – Ноги, придёшь, так распарь. – Подруга, конечно же, знала «секрет» парадных ботинок.

Зиночка отдала сумки, стало легче. Добежала до своего подъезда, решила подняться по лестнице. У Натальи свой «пенсионный набор», а у Зины – свой. Не только глянцево-бумажки с лицами, а полно живых, таких замечательных, разных людей. Ученики ведь не бывают бывшими. А их родители, коллеги-учителя, знакомые и ставшие родными друзья? Пока она помнит о них, пока они помнят – её набор гораздо больше Наташкиного.

Скоро праздник, надо подготовиться. Только зря его называли «День пожилого человека». Обидное какое-то название. Спутали же её сегодня с девушкой? Зиночка улыбнулась – значит, правильно она упорно сама называла и друзей приглашала на «День молодого человека». А потом ещё и День учителя наступит, сплошные праздники! Придут подружки, может, ученики позвонят. Самые лучшие, самые любимые.

Сухонькая женщина в светлом пальто по фигуре, совершенно забыв про сырые ботинки, маленькую пенсию и растущие цены, ловко перескакивала ступеньки и по-девичьи улыбалась,

МАРТЕМЬЯН

«Я, подполковник запаса, урождённый Марк Сергеевич Филатов». – Тьфу ты, слишком официально начал. – Мужчина перевернул страницу. – «Хочу попросить у тебя прощения, дорогая». Странно зашипало в глазах. «Дорогая» – непривычное слово. Называл ли он так её? – Смял листок.

В комнату вбежал мальчишка, в каске, с рыцарским мечом и автоматом.

– Ух ты, Гришаня! – Марк с удовольствием отвлекся. – Вооружён и очень опасен?

– Пошли в вояшку! – Гриша взмахнул ногой, изображая «приём».

– Я сейчас. – Марк медлил, хотелось дописать покаянное письмо.

Гришка надулся:

– Ну, дед! Что ты пишешь? – мальчишка хихикнул. – Двойку получил? Мишка, когда получит, такой же грустный.

Марк поднял голову. Как правы бывают дети, сами того не зная. Да, двоечник он, двоечник. Только двойку можно исправить, а его ошибки – уже никак.

Внук потянул за рукав:

– Пошли играть!

Марк с облегчением встал. Никакого покоя с этими мальчишками.

Он всегда хотел сына. На службе целыми днями мелькали парни-бойцы, сильные, понятные. Но что сделаешь, родилась дочка. Улыбнулась маленькая кокетка, сказала тонким голосочком: «Папочка, любименький!» И всё – растаяло сердце. А сына всё равно хотелось. Да как-то не сложилось.

Сначала поехали по стране, служба. Жене пришлось натерпеться: новые места, необжитые комнаты, даже казармы порой, с маленьким-то ребёнком. Намучилась Галя, а он не понимал. Думал, работа должна быть у мужчины на первом месте, а жена пусть уют создаёт, так ей положено. Не заметил, как дочка выросла.

Дождался парней – целых два внука! Каждый день теперь забота – водить в садик, секцию. Играть, а то и воспитывать. Помогать старшему с уроками. Родителям некогда, а ребёнку нужен кто-то рядом.

«Ты их балуешь!» – ругала дочка. Марк тогда уже не жил с семьёй, но часто приезжал, приходил. Тянуло его к ним, а гордость мешала вернуться..

Личная свобода, настоящие мужские занятия – охота, рыбалка, это всё стало, как ветхие лозунги из прошлой жизни. Сейчас даже на рыбалку и охоту он ходил с внуками. Вместе с ними снова занялся спортом. Эх, раньше бы за ум взялся.

В трудные времена, когда ушёл из армии, ругались крепко. Бегал, как волк, в поисках работы. Старался, как мог, а жена всё равно укоряла, что мало денег. До сих пор обидно, как вспомнит её насмешку. «Надеваю португею, всё тупею и тупею», – зачем она так? Стал ездить на вахты.

Зарабатывал, но и пропивал много. Всё ждал, что оценит, похвалит хотя бы. Хватило бы просто взгляда, прежней улыбки, понимания.

Да ладно, дело прошлое. Не смог стать таким, как она хотела.

Потом дочка замуж вышла. Рано, студентка была. И мужа подобрала первого – тьфу, задохлика какого-то. Помогали молодым, как могли. Миша, первый внук, беспокойный был, Галя ночами не спала, нянчилась.

Он-то набегам, да с подарками, а Галя, себя забыв, и дочку доучила, и Мишку подняла.

Марк сел рядом с уставшим Гришей. Так захотелось потрепать его по вихрастой голове, как запросто делают женщины, обнять. Выходит, только сейчас, на пенсии, когда затормозился бег по кругу «работаденьги-дом», открылись ему простые удовольствия.

Дочка вышла замуж второй раз, родила Гришу. Марк обрадовался – снова парень! Мишаня уже большой, дичится, свои дела, занятия.

Дочка тоже занята, работает, стала всё больше походить на мать – такая же статная. Глаза карие, брови сведёт – ух, не подходи. С мужем живут нормально, только муж опять какой-то непонятный. Компьютерщик. Сидит целыми днями, смотрит на экран. За ним и ест, и смеётся над чем-то. Взял бы парней да поиграл на воздухе. Не дождёшься. Приходилось самому внуками заниматься, чтобы выросли мужиками, а не придатками к компьютерам.

Марк посмотрел на часы. Пора было Грише давать лекарства, вечера температурил парень. А кому сидеть на больничном? Только деду-пенсионеру.

Раньше скажи Марку, бравому лейтенанту в молодости, что будет он кашки варить да с таблетками за пацаном бегать с уговорами, обсмеял бы, ни за что не поверил. А оказалось – нет в этом ничего такого, лишь бы здоровы были дети, внуки да счастливы – всё сделаешь.

«Пенсия» – боялся он этого слова, работать хотел до последнего издыхания. Казалось, закроются за тобой двери работы – и что? Останешься никому не нужный, никчёмный. Зачем жить? Чем заниматься? Зря боялся. И денежки, какие-никакие, капают. А мужик он крепкий, пить давно бросил. Так что ещё пригодится.

Чтобы дочке помочь, решили маленькую квартиру сдавать, а жить вместе. Зять-то только в компьютерах разбирается, а всё по дому чинит кто? Марк. Ничего, живут.

Вот только – никуда не деться от вины. Галя, Галочка, что она видела? Дом, хозяйство, работа, пелёнки-распашонки. Марк вернулся к грустным мыслям. Любил ли он жену? Всегда ему нравились крепкие, видные девушки. А Галя была очень хороша, ухаживал, добивался. Не красавица, но мимо не пройдёшь. Что-то такое в карих глазах, в осанке.

Вот дочка всё пытается с фигурой бороться, сидит на диетах, злющая становится. А ведь как красиво, когда такая высокая ладная женщина несёт себя с достоинством. Сама жизнь просто! Ничего не понимают молодые, всё им худосочных да «болезного» вида подавай. Мода. Мужик у нет дела до моды, если он настоящий, а не приложение к дивану да компьютеру. Нравится что-то другое! Вот эта жизнь, энергия и радость нравятся. Видел недавно одну женщину, совсем не в его вкусе, но что-то в ней такое промелькнуло...

Марк усмехнулся: поди ж ты, «снесло» опять на женщин.

Внук заснул прямо перед телевизором, слабенький ещё. Марк перенёс его на кровать, укрыл. Только взял газету, чтобы отвлечься, как зазвонил телефон.

– Что? Кто? Заливает? – Марк погрозил кулаком, – Ну, я им устрою!

Квартиранты топили соседей. Надо бежать. Тут недалеко, но как оставить спящего Гришу? Проснётся, испугается.

Марк заметался. Позвонить дочери? Долго ждать Ладно, одна нога здесь, другая – там, сбегает. Накинул куртку, выскочил из подъезда.

– Ой!

– Мужчина, смотрите, куда идёте!

Чуть не сшиб двух женщин. Полная бабулька в берете размахивала руками, собираясь высказать претензии. Тоненькая дама держалась за бок, по-девичьи обиженно глядя на Марка.

– Простите! Сильно ушиб? – Марк подошёл к худенькой. Она смотрела распахнутыми глазами и молчала. Зато грозная подружка завелась с поборота.

– Извините, я очень спешу, соседей заливаю, надо бежать! – быстро проговорил Марк.

Женщины переглянулись, дама в пальто закивала. Марк неожиданно для себя продолжил:

– А вы, извините, торопитесь?

Глаза округлились и у женщины в берете.

– Просто у меня внук спит дома, боюсь, что он проснётся и заревёт, один. – Марк сбивчиво пытался объяснить просьбу.

Худенькая быстро сообразила:

– Давайте я посижу.

– Ой, спасибо! Вы мне так поможете! – Марк повёл даму под локоток в квартиру, сам не зная почему, радостно-возбуждённый.

– Зина, ты с ума сошла? – донёсся крик грозной подруги, она, пыхча, попевала за ними. – Идёшь в квартиру к незнакомому мужчине! А, может, он маньяк! Или вор – вон как бежал.

Дама в пальто шепнула:

– Наталья, не выдумывай. И не кричи, мальчик спит.

Наталья не унималась, заглядывая в открытую дверь:

– А дедок-то незнакомый. Может, он преступник? Ты хоть паспорт посмотри.

Марк, вылетая из двери, успел шлёпнуть паспорт на тумбочку и через пару секунд нёсся через двор.

– Вот дурной! – Наталья охнула. – Незнакомым бабкам квартиру с дитём и паспорт оставил!

Схватила паспорт, прочитала: – «Мар-темь-ян». Ишь ты!

Зина повторила: – Мартемьян?

Наталья зашептала, оглядываясь:

– Квартира-то Галина, хорошая женщина была, помнишь, цветы сажала у дома? – Наталья перекрестилась и поджала губы. – Вот оно как, муж объявился, да поздно, – и добавила: – Безголовая ты, Зинка! В чужую квартиру суваться! Греха не оберёшься. Застанут тебя тут или пропадёт что, а?

Наталья, сама себя запугав, ушла, нащёптывая: – Ведь и маньяков полно, что попало могут сделать!

Зина закрыла дверь, села на краешек дивана в гостиной. В квартире было тихо. Права Наталья – неудобно как-то получилось. Придёт сейчас кто, объясняйся, что в квартире чужая бабка делает. А мальчик проснётся, вдруг испугается?

Но больше всего смутил портрет на стене. Как Зина ни поворачивалась, всё казалось, что женщина буравила её пронзительным взглядом. Зина вздохнула. Чтобы успокоиться, вдруг зашептала, обращаясь к портрету: «Вы, Галя, извините, я тут случайно оказалась. Ваш муж попросил за внуком присмотреть. Он вернётся, и я уйду. Хорошо? Вы не волнуйтесь». Странное дело, но стало легче, беспокойство исчезло.

«Хорошо, что никто не слышит. – Зина усмехнулась. – Нормальные бабки не сидят по чужим квартирам да с портретами не разговаривают. А этот, Мартемьян, хорош...» – Зина покосилась на портрет, прося извинения, что думает о бравом ладном мужчине.

Скоро вернулся хозяин, возбуждённый, громким шепотом рассказывал об аварии. Зина, смущаясь, отказалась от чая и угощения. По-быстрее выскользнула из квартиры. Не удержалась и кивнула на прощанье портрету.

Марк растерянно смотрел на закрывшуюся дверь. Как она назвала его? Мартемьян? Он и забыл об этом имени из паспорта, всю жизнь стеснялся, а поменять руки не дошли. Называл себя «Марк», и все так его знали. А это неуклюжее, как раньше казалось, имя из уст Зиначки, такой хрупкой, такой воздушной, прозвучало по-новому. Так красиво.

Мартемьян хмыкнул, очень непривычное чувство разлилось в нём. Не знаток он чувств и переживаний, военный сухарь и мужлан. Марк скользнул взглядом по портрету жены. С тех пор, как он приехал и поселился здесь, всегда напрягался, неосознанно, проходя мимо этой фотографии. Хотел даже покаянное письмо писать. Хотя – что уже исправишь?

Заглянул в комнату мальчишек. Гриша спал. Марк сел на краешек дивана, рука было потянулась к листку бумаги, жена с портрета укоризненно смотрела.

Нет, не смог. Какой из него писатель? Опоздавший двоечник. Марк прошептал:

– Прости, Галя, я был не таким, как ты хотела. – Защищало в глазах. – И что ты, – он запнулся, но закончил, – за то, что ты не была такой, как я хотел, прости.

Тихонько встал, пошёл на кухню, налил чай. Тут проснулся Гриша, весь мокрый, Марк передел его и накормил. Пришла дочь. До вечера закрутился в делах. И только перед сном, проходя мимо портрета, вдруг понял – больше не было тягостно и неудобно. Остановился. Галя смотрела просто, мимо него. Не укоряя, не взывая к совести. Марк оглянулся воровато и прошептал: – Спасибо!

Вдруг подумал о новой знакомой. Зиначка. Такое звонкое имя, как «дзынь», как она сама. Как она ему сказала: «До свидания, Мартемьян»? Чудно! Как что-то забытое, из детства, прозвучало.

Первый раз за последний год он уснул легко, сразу провалившись в сон.

РЕЦЕПТ ОТ «БОЛЯЧЕК»

– Ты представляешь! Просто не поверишь, что случилось! Ужас! С утра пораньше – и такое! – Голос Натальи из трубки гремел возмущением и испугом. – Чего молчишь? Спишь, что ли?

– Нет-нет, я уже проснулась! – Вежливость ответила вперёд Зиначки. – Что случилось?

– Заходи, расскажу, потом навестим Матвеевну, – приказала подруга.

Зине совсем не хотелось идти. Но день в одиночестве пугал больше Наташиных ужасов. Не хотелось начать жалеть себя, а то выплывут старые обиды, воспоминания, укоры совести. Так и до болезни недалеко. Недаром говорят, что все «болячки» – от груза прошлых переживаний, от непрощённых обид. Нет-нет, надо встряхнуться и заняться настоящим.

Собралась, влезла в новые ботинки. Мелочь, а настроение сразу поднялось.

За несколько минут долетела до подруги. Наталья, нацепив очки, рассматривала обновку.

– За сколько, говоришь, взяла?

– Так дёшево, – Зина радостно подхватила тему. – Мы с Леной пошли, я тебе рассказывала, которую уволили. Её подружка там директор, и в магазине скидки были, повезло.

Наталья недоверчиво покачала головой:

– Дорогие, видно. Да, повезло.

Зина кивнула, любясь на ботиночки. Подруга привычно забубнила, наливая чай:

– Скажи спасибо Ленке. Сама бы опять какую-нибудь дрянь цапнула, я ж тебя знаю. И как тебе везёт на людей! Счастливая.

– А? – Зина встрепенулась. – Ты... думаешь, – она охнула от понимания, – Лена доплатила? Ой, как неудобно-то.

– Да не охай, Зинка, сиди да радуйся.

– Нет-нет, я должна вернуть деньги! – всполошилась гостья.

– Уймись. – Наталья махнула полотенцем. – Человек тебя отблагодарил. Надо уметь не только давать, но и принимать. Эх ты, бессребреница.

– Наташка, какая ты мудрая, – прошептала Зина. Подруга этот «изъян» верно подметила. Зине всегда легче было отдать, чем сделать что-то для себя. Принижала себя, отказывалась от помощи, а потом всё-таки в душе обижалась, что другие не ценят. И переживала. Принимать, что тебе даётся, оказывается, тоже надо уметь!

– А у тебя что стряслось?
 Наталья оглянулась, прикрыла дверь и зашептала заговорщицки:
 – Зин, – запнулась. – Мой-то Колька загулял, кажись.
 – Да ну! – Зина поперхнулась чаем.
 – А что ещё думать. Знаешь, что учудил? – Она наклонилась к уху Зины. – Ни с того ни с сего притащил, ирод такой... цветок!
 – Какой цветок? Из огорода? Клубни выкопал?
 – Нет! – ещё больше ужасаясь, Наталья выдохнула: – Цветок! В бумажке блестящей, представляешь!
 Зина помотала головой. Наталья потеряла терпение, распахнула дверь, бочком скользнула в комнату и принесла вазу с завёрнутым в блестящую бумагу оранжевым цветком.
 – Глянь! За деньги купил, бесстыжий. У меня в огороде летом таких ромаш – целая поляна! – Она бережно поставила вазу на кухонный стол.
 – Ой! Какое чудо! Это же гербера.
 – Говорю же – неладное что-то с моим дедом, – сделала вывод Наталья.
 Зина принялась успокаивать подружку, посмеиваясь. Та надулась:
 – И ничего смешного. Никогда не дарил, а тут – нате пожалуйста. Да ещё про какой-то список дел талдычит, который надо до смерти успеть. Вот и не знаю – то ли помирать собрался старый, – она вздохнула, – то ли бабку себе завёл, помоложе. – Махнула рукой и пошла одеваться. Выглянула в коридор:
 – А я что хотела спросить, – покрутилась, показывая юбку, – идёт мне?
 Сказать, что Зина удивилась, – мало. Наташа всегда носила брюки, широкие, тёплые, даже по праздникам.
 – А что, хорошо, стройнит.
 Довольная похвалой подруга надела одну из самых нарядных кофточек. А когда вытащила сапоги вместо растоптанных ботинок да натянула своё парадно-выходное пальто, Зинину удивлению не было предела.
 – Наташ, а помнишь, у тебя шляпа была?
 Выудили шляпу. Наталья подмигнула и крикнула:
 – Колька! Мы пошли.
 Тут Зина поняла, для кого был весь маскарад, уж не для Матвеевны. Николай вышел в коридор и замер.

– Закрой дверь, говорю. – Для пушного эффекта Наталья намазала перед зеркалом губы.
 Николай пристально всмотрелся, обиженно сказал:
 – Легко больно оделась, замёрзнешь, поди.
 Наталья хмыкнула и торжествующе выплыла в коридор. Даже походка у неё изменилась. Сапоги на невысоких каблуках ладно сидели на ноге, а шляпа придавала даже какой-то аристократический вид. Муж в растянутых домашних штанах смотрел вслед, нахмурив брови.
 Всю дорогу подруги хохотали, как глупые девчонки.
 – Вот так-то, я ему покажу, – грозилась преобразившаяся Наталья.
 – Наташ, не придумывай. Сама же говорила: «Умей принимать подарки!» Не на что тут обижаться. Коля молодость вспомнил, захотел приятное сделать, вот и подарил цветок.
 – Я покажу ему «молодость»! – Наталья потрясла кулаком в перчатке, добавила: – А хорошо красивой-то ходить! Во дворе алкаши даже рты пораскрывали, а?
 Весёлые, раскрасневшиеся, ввалились к подруге. Лидия Матвеевна монументально восседала на табурете. Квартира пропахала лекарствами. Тумбочки, стол и даже пол у кровати – всё было заставлено пузырьками. Филиал то ли аптеки, то ли больницы.
 – Как дела? – начала Наталья сочувственно. – Дай хоть шторы открою.
 – Так ведь болею. – Женщина охотно стала пересказывать диагноз: что, где и как именно у неё колело, какие лекарства прописали. И какие недушевные пошли доктора. И дети редко заходят, жалуются, что ворчит, и поскорее убегают.
 Зина с Натальей переглянулись. Матвеевна сильно сдала в последнее время. Весёлая, открытая, она долго работала на заводе, потом нянечкой в детском саду. Трудно в её возрасте, но уходить не хотела – уж больно любили малышу «бабу Лиду». А как совсем стало тяжело, ушла на пенсию и заболела. И характер поменялся совершенно.
 – Вот как бывает, не дай Бог, – вздыхала Наталья. – Тебе вроде лучше стало, Лид, вон, ходишь. Выздоровливай.
 – Да как хожу-то, еле хожу, – как будто оправдываясь, затараторила Матвеевна – Так-то не болит уже, да сил нет. Ничего не хочется. Сижут, никому не нужна. – Она всхлинула.

Зина запнулась о расставленные пузырьки, тихонько собрала старые и просроченные лекарства в мешок, показала Наталье, та понимающе кивнула.

– Ты что? – заволновалась Матвеевна.

– А правильно, – вступилась Наталья и рубанула: – Поболела и хватит. А то обложилась, как калека.

Матвеевна замолчала обиженно. Зина засмотрелась на фотографии в шкафу:

– Ой, Лида, это вы? Такая красивая.

– Эх, красива не была, а молода была! – повернулась Лидия. – Помнишь, Наташка, как мы с тобой на курорте с морячками танцевали?

– У меня усатый был, а у тебя молоденький, всё краснел да на ноги наступал.

Обе засмеялись.

– Пошли, что ли, чаю попьём, подружки дорогие. – Лидия зашагала на кухню, как будто прислушиваясь к ногам.

– Вот так красота! – ахнули в голос гости, разглядывая новенькие шкафчики и плиту.

– Да это дочка. – Лидия доставала чашки и раскладывала конфеты. – Пока сидела со мной, поклеила обои. И шкафчики купила. – Лида привычно вздохнула. – Помирать уж пора, зачем это всё?

– Да ладно, – возмутилась Наталья, выкладывая принесённые гостинцы. – С такой кухней кто ж помирает?

Пока пили чай, поболтали обо всём, перешли на детей и внуков.

– Ох и балованные пошли! – Лидия уже уверенно хлопотала по кухне. – Не то что мы. Мамка нальёт бутылку молока свежего от коровы – и пока не продашь, домой не приходи. И хожу по соседним баракам после школы, кричу тоненько: «Молоко! Купите молоко!» Стучусь, по стаканчику наливаю. А бутылка огромная, тяжёлая, плакать хочется, а куда денешься, деньги-то нужны, бедно жили.

– А всё равно счастливые были, хоть и тяжело. Мы с сестрой одну пару валенок носили по очереди да пальто всё делили, – подхватила Наталья. – И ничего, бегали, играли. Как весело-то было – всем двором собирались. А нынешние не знают, что такое труд, – вот в чём беда-то. Думают, денежки с неба падают, ничего и не ценят.

Зиночка согласно кивнула, её детство прошло в деревне. С весны до поздней осени и на своих огородах работали, и на колхозных успевали. За

это «трудодни» выписывали, а потом, после сбора урожая, маме давали муку и крупу. Овечек держали, кур. Ухаживать за ними – тоже была детская обязанность.

– Может, и хорошо, что нашим детям полегче живётся? – Наталья развела руками. – Ведь для них стараемся.

– Вот и балуем, – припечатала Лидия.

– Тебе грех жаловаться, ты одна вот каких детей подняла! Работящие, умные, заботливые. – Наталья обвела взглядом сияющую кухню. Лидя тоже взглянула, как будто в первый раз.

– И что бы я без вас делала? Сразу веселей стало, а то и правда, девки, разлягузилась совсем. – Хозяйка обняла гостей.

– Да уж, – махнула Наталья.

– А мне дети обещали дачу перестроить. Доживём до лета, такую клумбу сделаю, как в телевизоре!

– Приедем, посмотрим. – Зина с Натальей переглянулись, узнавая прежнюю задорную Лиду, деловую и полную идей.

– Так-то лучше! – пробасила Наталья.

Две дамы в пальто вышли на улицу. Наталья задумчиво спросила:

– Зинка, а у тебя какая мечта, ну, до смерти успеть?

Зина пожала плечами:

– Очень хочется на море съездить.

– Ну, ты придумала! – Натальина задумчивость слетела. – На море! В такую даль? Все кости растрясёшь, да и страшно. – Она решительно поджала губы. – А я возьму и в профилакторий поеду. Дед зарядку делает, на массаж записался. А я чем хуже?

– Поезжай, Наташ, дело хорошее.

– И поеду, подлечусь. А то слягу, как Лидка, всех поедом съем! Ты ж меня знаешь. – Подруга хитро подмигнула и до самого дома поучала: – Мне, может, тоже охота поболеть, пожаловаться, вспомнить обиды старые – да некогда. Правнучки маленькие. Ещё, вон, Кольку проучить! – Наталья потрясла кулаком. – Вот сколько дел, когда всё успеть? Надо работать, а не болячки расковыривать. Если дела делать, тогда и не заболеешь. – Наталья решительно поправила шляпу.

ЗИНИНЫ «ГРАБЛИ»

– Нет, ты, Зинка, сдурела! Идёшь по улице, хохочешь неприлично. Называешь мужика как-то странно, при всех!

Зина смущённо месила тесто. Да, она сократила длинное «Мартемян», придумала весеннее, радостное имя. И теперь Март просто таял, когда она так его называла. И что в этом плохого?

Наталья одновременно укладывала сумки для поездки в профилакторий, доделывала пироги и учила гостью уму-разуму:

– Ты ж его совсем не знаешь! Кота своего мартовского. Мошенники, они хитрые. Втираются в доверие, потом – раз, и выгоняют старух из квартир.

Зина уткнулась лицом в белые от муки руки, всхлипнула. Подружка, не донеся сложенную юбку до сумки, бросилась к Зине:

– Эй, ты чего? Тебе плохо? Ну ладно, не реви, давление поднимется! Главное, мошенника вовремя раскрыть, я смотрела передачу...

Всхлипывания перешли в стон. Наталья не на шутку испугалась:

– Эй, Зинка, сейчас водичку дам, не убивайся ты так!

– А-а, – Зина подняла лицо, утирая мучные разводы. – Наташ, лучше молчи. Ой, не могу, уморила меня! – Зину трясло от смеха.

– Тю на тебя! – Наталья с облегчением поставила стакан с водой, обиженно продолжила: – Я-то думаю, ей плохо, а она ржёт! Совсем сдурела!

Весь двор, все подружки из хора и знакомые на вечерах танцев, все соседи-активисты обсуждали новость. Прошедшие новогодние праздники, новые разгромные передачи и слезливые истории по телевизору не могли перебить неслыханного события.

– Ишь ты, Зинка-то даёт! Такого мужичка подцепила! – вкратце и с подробностями передавали знакомые.

Зина купалась в счастье и ничего не замечала. В её жизнь вошли новые обязанности, новый распорядок, отпали ненужные дела. Она, такая лёгкая и неуловимая, заделалась домоседкой. С утра придумывала, что приготовить. Вечером забирала из садика младшего внука, Гришу. Марк не успевал, устроился в автосервис и гордился, что снова зарабатывает. Потом гуляла с мальчишкой, с которым очень сдружились, ждали дедушку Марка. Ужинали вместе. Простые радости, а для Зины – новая жизнь, о которой она не мечтала уже.

– Нет, Зинка, что-то тут не так! – не унималась подозрительная Наталья. – Хитрит дед, жить не переезжает. Чего тянуть, в нашем-то возрасте?

А Зине казалось – всё естественно. Зачем ускорять события, когда и так хорошо. Надо присмотреться к человеку. Марк, кажется, что-то серьёз-

ное задумал, да никак сказать не может. Чудно, конечно, в их возрасте, но Зине нравились эти ухаживания. Стоит ли это объяснять другим?

Надавав ценных указаний и наставлений, Наталья собралась в профилакторий, погрозила на прощанье погрустневшему Николаю. Перекрестила подружку:

– Ох, Зин, смотри. Напридумываешь, обманешься, опять на те же грабли наступишь.

Зина пожалала плечами, все «грабли» в прошлом, к чему это Наташка вспомнила? Пospешила домой. Теперь не надо было подсчитывать остатки пенсии. Занималась с соседскими детьми немного, да и Март добросовестно «подкармливал», приносил продукты, от чего Зина ещё больше смущалась. Её возражения не принимались, даже обижали. Это было даже приятно. Эх, и почему так поздно встретился ей такой замечательный мужчина?

Поскрипывая снежком, шла Зина домой, припомнила все свои многочисленные романы. Уже без былого трепета и даже без сожаления. Всегда оказывалось, что она обманывалась, как Наташа сказала. Идеализировала, ждала возвышенных страстей, как в книгах пишут. Любимый мужчина, который рвал её сердце десять долгих лет, так и не ушёл от жены. И не рвался заботиться о Зине. Просто пользовался наивной верой, купался в её любви, а она позволяла себя обманывать. Клялся, что не любит жену, что уже собрал сумку, чтобы вот-вот уйти, как только разберётся с делами. И так – почти десять лет.

Связь с женатым мужчиной – это чаще всего дорога в никуда. Его собранная сумка может годами стоять в прихожей. И так и не сдвинуться с места. Слишком поздно поняла это Зина.

Хотя, если честно, она сразу понимала, что ничего не выйдет. И семью не хотелось разрушать, с её-то принципами. Но ничего не могла с собой поделать... Или не хотела? Любить самому, даже безответно, понимая, что объект любви того не достоин, – что может быть слаще? Изображать жертву. И мужчина тоже играл по тем же правилам. Разрывался и обманывал. У них на двоих была тайна, сладкая боль и запретные мысли. Иллюзия, что ты – особенный. Что все – обычные, довольные пресной рутинной. А ты – нет, ты не такой, страсти горят в твоей душе и раскрашивают жизнь. И пылилась сумка от скандала к скандалу, а женщины в разных концах города вздрагивали от шума лифта.

Зина давно простила ему всё. Даже то, что он не позволил ей родить ребёнка, даже думать об этом запретил. И зачем она была такой послушной? А когда спохватилась – было поздно. Прямо как пишут в романах – «пробудилась ото сна» однажды, посмотрела на себя в зеркало. Одинокая стареющая женщина. Ни детей, ни опоры в жизни. Провыбравшаяся невеста. В своём дурмане скольких достойных прогнала от себя? А вся вина в том, что ей казалось – любовь должна быть какой-то «Ах!», выжигать и переворачивать. Вот и воротила нос от простых да «пресных». Юношеский максимализм ничего не имеет общего с жизнью. Значит, сама и виновата.

«Вот так-то! – даже весело подумала Зина, качая головой, чтобы вытрясти грустные воспоминания. – Надо было раньше понять, что счастье не в страданиях да терзаниях. А вот – ужин приготовить да ждать мужчину. Обычного мужчину на обычный ужин».

Зина свернула к садику, решив забрать Гришу пораньше, обрадовать мальчишку. Пусть погуляет подольше, погода хорошая.

Нагулялись, зашли к Зине, она успела соорудить вкусные блюда. Как это было здорово – непривычный шум в квартире, хлопоты. Вот она где, жизнь. Скачет по твоему дивану и мешает готовить. Вышли с Гришей снова на улицу, поджидать деда с работы. На радость другим гуляющим бабушкам, пусть шушукуются. У неё теперь всё как у других. И даже лучше.

Именно на этой радостной мысли Гришина мама, дочка Марка, «перехватила» её у подъезда:

– Добрый вечер, Зинаида Ивановна!

Официальный тон не удивил: дочка сторонилась, Зину не привечала. Разговаривала сквозь зубы, не одобряя увлечения отца. А Зина старалась не обижаться. Даже жалела «девочку», по привычке: «Тяжело, наверное, видеть папу с чужой женщиной». Как будто дочке десять лет! Высокая, статная, вылитый портрет матери, только постройнее. Всё-таки не зря столько лет потрачено на борьбу с весом. Хорошо выглядит, одета со вкусом. Только напряжённое лицо и суровый взгляд придают возраста.

Зина улыбнулась, желая смягчить тон встречи. Гриша вцепился в руку и дурачился, не желая отпускать «бабу Зину». Марина нетерпеливо рванула его к себе:

– Марш домой, совсем избаловали тебя!

Это прозвучало прямым упрёком незаконной воспитательнице. Дальше было ещё хуже:

– Надо бы рассчитаться, Зинаида Ивановна. А то неудобно получается: вы с детьми занимаетесь, с Гришей гуляете. – Марина полезла в сумку за кошельком. – Я тут посчитала, сколько мы вам должны.

Зина не могла поверить ушам. Неужели Марина действительно хочет заплатить деньги? За что? Застыла, не в силах «переварить» услышанное.

– Двести рублей в час вас устроит? – Женщина холодно отсчитывала деньги.

Вот так ей указали на место. Вот так разбили все надежды о «новой семье». А ведь Зине совсем не трудно было любить их всех! И Марину, и её мужа, и детей. Просто так, потому что столько в ней любви было накоплено, хватило бы на сотню детей и внуков. И вот, её отвергли. Ах, как хотелось подобрать слова и спросить ехидно, за что именно ей платят: может, за услуги бабки «по вызову» для отца? Так это гораздо дороже стоит!

Зина просто развернулась и ушла. Дома она кипела, негодовала, бросилась прибирать в шкафах, перекладывать ненужные вещички. А сама всё смотрела на телефон, на дверь. Ведь сам-то Март так не думает? Прошёл вечер. Он не позвонил, не пришёл, чтобы успокоить.

«Всё!» – Зина сделал единственно возможный вывод. А Март... Да какой он после этого «Март»? Предатель, согласен с дочкой. Пусть. Увлечение прошло, он решил не менять жизнь. Дочка одна, а бабок... Бабок ещё кучу можно подобрать, и помоложе. И нечего тратить деньги и припасы! Права была Наталья, не зря предупреждала: никому нельзя доверять. Но почему, почему он не звонит?

Зина яростно запихнула все «подарки» в рюкзак, уже по-хозяйски оставленный Марком в кладовке. Вот так. На тебе! Забирай свои огурцы! И картошку свою – на! И все пустые банки – в хозяйстве пригодятся. Пухлый рюкзак позванивал: «Зин, уймись, Зин! Ну, чего ты!» А она бушевала, как фурия.

Никто из подружек не позвонил и не заглянул. Наталья в профилактории, а остальные? Им всё равно, что с ней. Зина нырнула в отчаяние, не замечая, как мысли в голове кричали чужими голосами. «Вот так! Никому я не нужна, – с каким-то удовлетворением думала Зина. – Вот умру, тогда и попляшете!» Кто «попляшет», сама не знала. Не почувствовала, как глупо звучит её угроза.

Когда наконец зазвонил телефон, Зина прослушала его дребезжание и вырвала провод из розетки. Телефону досталось за обидчика.

«Так ему и надо. А то прикормил чужую бабку, благодетель!» – Зина специально распалила себя, не давая здравым мыслям победить и позволить ответить на звонок, услышать ставший родным голос, поверить в утешения.

«Всё!» – ещё раз решительно повторила, выключила для уверенности и мобильный телефон.

Неужели она снова просто одинокая старушка с мизерной пенсией? Ничего не добилась, не завела семью. В глазах всех – неудачница. Ноль, пустышка. Март, когда внезапно появился, дал больше, чем просто ещё один шанс на новую жизнь. Он дал уверенность, подтверждение, что чудеса случаются, что она не зря так долго ждала. Как будто самой Зины – весёлой, доброй, живой, нужной людям – было недостаточно для её собственного счастья. Как будто обязательно должен был кто-то появиться, чтобы это подчеркнуть.

От этого было ещё обиднее: поманили конфеткой и отобрали. Зина прислушалась: что скажет её внутренний судья и собеседник? Но он, кажется, напился корвалола и лёг, свернувшись в клубочек. Зина сделала то же самое.

Вдруг возникла смутная мысль, что всё это уже когда-то было! Точь-в-точь! И вырванный шнур от телефона, и обида, и разочарование. Вывод, что Зина – неудачница, и её судьба – одиночество. Это уже было много лет назад! А она была уверена, что пережила тот опыт, что поняла. Ничегошеньки, получается, не поняла. Неужели утром она была весела и полна надежд? И почему так быстро, с готовностью стала несчастной, почему?

Люди и жизненные ситуации не просто так встречаются на пути. Они дают, чтобы человек усвоил какой-то урок. Какой? Никто не знает, кроме тебя. Поймёшь – перейдёшь дальше, не смог – так и будешь наткаться на те же «грабли». Зина заснула с надеждой, что завтра она обязательно поймёт что-то важное.

ЗИЗИ И МАРУСЯ МОНРО

Зина пнула рюкзак. Банки обиженно звякнули. По-видимому, утро не стало мудренее. Марк не пришёл. Позвонить не мог – телефоны отключены.

Она придумала, куда сбежать, взяла пару банок с огурцами и помидорами – всё равно выкидывать. И пошла туда, где не была давно,

Слишком тяжело видеть, какой стала давняя подруга. А раньше... У неё были ярко-красные губы, нахальный взгляд и тонкая талия. Выбеленные волосы по-заграничному кудрявились.

«Оторва», – шептали вечные бабушки на скамейках. «Монро», – вздыхали неиспорченные советские мужчины и сворачивали с прямой дорожки, одобренной партией и правительством.

Маруся, «кровь с молоком». Сбежала из деревни, затянула талию и стала «Марианной». Ходила дома в ремне с тяжёлой бляхой, поддерживала себя в «боевой готовности». Ремень оставил влюблённый солдатик. Следующие поклонники звали её «Монро», от них доставалось кое-что посуущественней: деньги, драгоценности, квартира. Новые впечатления, изысканная еда, запрещённые фильмы, посмотрев которые ещё яростнее выбеливала кудри. Родственники стыдливо забрали к себе доставшихся так же детей и перестали приезжать. Позор по тем временам – дети без отца, вне брака. Но Монро было всё равно.

Ей было так много дано! Сошлась с музыкантом – стала играть на пианино, легко подбирала и даже сочиняла что-то своё, экспрессивное. Поклонники дарили вместе с драгоценностями много книг, что ценилось тогда почти одинаково. Она читала, сочиняла сама. Неплохо пела.

Всё, что не было дано Марусе, добирала Марианна. Если смотреть по отдельности, не так уж и красива была эта копия Монро. Но по отдельности смотреть не хотелось. Марианна врывалась в жизнь вся – целиком. Слишком нагло она выделялась, слишком открыто жила одним днём и брала от жизни всё. Что совсем не совпадало с линией партии и правительства. Может, ей бы и попало, времена были всё-таки не свободные, если бы не сильные покровители.

При всех возможностях работала Монро в парикмахерской. Стригла гораздо хуже, чем пела, например. Но женщины, охавшие над раздутыми сплетнями, упорно выстраивались в очередь. Чтобы уйти оболваненными, но посвящёнными в сверкающий мир, как им казалось, моды и Голливуда.

Зина тоже несколько раз вздыхала над неудачной причёской. Потом Монро нашла очередного покровителя и бросила работу, но почему-то продолжила общаться с Зиной. Та как раз страдала от несчастной любви, боялась остаться старой девой.

Страх не имел оснований, но неуверенность и тяга к иллюзиям мешали разглядеть простых и надёжных парней. Она выбрала женатого красавца. Что было аморально и каралось партиячками. Зиночка чув-

ствовала себя развратной преступницей, но ничего не могла поделать. И не осуждала новую подругу. И где-то в глубине казалась себе такой же яркой, смелой и вызывающе прекрасной.

«Зизи!» – так звала её подруга, что тоже прибавляло шика их встречам в дорого обставленной квартире, где с порога встречал сладковатый дым и новые знакомые. Монро со всеми одинаково хохотала и смачно ругалась матом, совсем неприлично. Тогда даже мужчины редко ругались при женщинах.

Зине со временем стало скучно изображать «Зизи», да и приходилось много работать. Виделись всё реже.

С годами Монро стала больше пить, всё меньше следила за собой. Даже солдатский ремень не спасал, а только подчёркивал нависающие валики по бокам. Зине хотелось выдрать самозванку «Монро» этим же ремнём, непедагогично вытрясти дурь из светлой головы

Та энергия, которая притягивала к ней людей, стала разрушительной. И скоро романтический флёр обвис вместе с животом. Разудалые пьянки, сигаретный дым и мат из накрашенного ротика потеряли оригинальность и очарование. Остались только тем, чем были – матом и пьянками.

Старое уходит, тает, и если не вырастает новое, более ценное, то не остаётся ничего. Отдавая себя, ты создаешь, это одно. А расшвыривая богатства перед свиньями, разрушая – исчезаешь.

Марианна, теперь уже совершенно не похожая на Монро, подметала пол в той же парикмахерской. Стричь ей не доверяли, но хвастаться не мешали. Посетители слушали истории колоритной бабули с жалостью. С трудом верилось, что партийный босс ползал перед ней на коленях. А известный артист был сражён талантом.

Это была правда. И тем страшнее слышать её от дурно пахнущей женщины с дешёвой сигареткой во рту.

К этой Марусе, бывшей «Монро», и понесла банки Зина, убегая от своих переживаний. Зачем? Хотела получить совет «как завоевать мужчину»? Или просто боялась остаться дома – вдруг прибежит Марк и всё объяснит? Зине хотелось испить до дна своё разочарование.

Знакомый дом старой постройки, ничего не изменилось. Казалось, на лестнице встретит гул, а смесь терпкого сигаретного запаха и духов примет в успокаивающую мглу. Лестница та же. И запах был. Отвратительный, разлагающийся запах одиночества и отчаяния.

Зина позвонила. Долго не открывали, но слышался шум. «Значит, жива», – поняла гостя.

Дверь распахнулась, усиленная доза тошнотворного запаха вывалилась на Зину вместе с знакомым хриплым хохотком:

– Ужель та самая Зизи? О! И закусь принесла!

В квартире был беспорядок, заваленные полки. Вперемешку одежда, тряпки, тарелки на диванах.

– Маруся, как так можно? – Зина даже взвизгнула в отчаянии, забыв о своих страданиях. – Давай помогу прибраться!

– Да брось, Зинка, тут только бульдозер поможет!

Не обращая внимания на уговоры хозяйки, Зина распахнула окна, натянув пакеты на руку, собрала грязь, расчистила диваны и кухню. Нашла старую швабру, протёрла пол. Стало легче дышать. Марианна даже переделалась, тут же по-барски выкинула в мешок грязную одежду. Зина вынесла мусор, глотнув свежего воздуха. Возвращаться не хотелось. Хозяйка, нисколько не смущаясь, ходила за Зиной и говорила, говорила. Вываливала какие-то безделушки, оставшиеся драгоценности, переключалась на воспоминания. Хохотала, наклоняя голову в том же жесте, каким пленяла мужчин. Похожая сейчас на старое потрёпанное чучело некогда прекрасной птицы. Повывлазили клочками волосы, светлые, только теперь от седины

– Как же ты так живёшь? – устало спросила Зина.

– Нормально живу, – искренне удивилась Монро, оглядываясь. – Я ж себя люблю, ни в чём не отказываю! – Она махнула рукой на остатки дешёвой «чекушки» на выщербленном столе некогда цельного дерева.

– Нет, Маруська. – Зина не смогла сдержаться. – Не любишь, а то бы ни за что не дошла до такого состояния. И себя не любишь, и никого ты не любила.

– А ты? Чистенькая, правильная, чего тогда одна, а? – перешла в наступление хозяйка и даже глаза её, почти такого же цвета, как в юности, вытарасились из-под век. – Копейки так же небось считаешь. И как я, одна помрёшь! Потому что дура! У меня всё было, да мне это не нужно. А ты хотела – так почему не добивалась? Чуть что – лапки кверху, всё чинно-благородно. Я всё знаю про таких, как ты. Ещё хуже, чем я! И себя и других боитесь счастливыми сделать, не живёте толком, всё мечтаете. Я хоть пожила! Ничего не боялась. И помирать не боюсь.

Зина слушала и кивала. Она правильно пришла – это именно то дно. Опуститься, дойти до края и смело взглянуть себе в душу. И на остатках кислорода выплыть, бросить всё – привычки, иллюзии. Зина шепнула:

– Спасибо, Маруся.

Та, выговорившись, сникла. Не удерживала, когда Зина собралась.

– Зин, может, – Маруся обвела жестом заваленную квартиру, – что-нибудь заберёшь на память? – Кажется, она продолжала раздавать всё, что было. Только теперь приходилось всучивать. Голос её стал непривычно просящим. – Возьми, а?

Значит, всё-таки ей не всё равно? Значит, страшно. Уйти и раствориться, не оставить после себя ничего. Не остаться в памяти. Она тоже трусит. У неё было так много – и не осталось ничего. Только отражала, как зеркальная труба, впускала и выпускала, ничего не оставляя себе, ничего не любила, а значит, не берегла.

Ничего, ничегошеньки не узнала Маруся-Монро о жизни.

– Я... уже взяла, – прошептала Зина, глотая слёзы. Слишком часто в последнее время она плакала. Тоже по собственному желанию? Отказалась от чуда, от подарка судьбы из-за какой-то обиды, мнимой гордости. Опять была готова пропустить всё лучшее мимо.

Зина обняла грузную женщину, уже не морщась от неприятного запаха. Так пахнут разбитые мечты. И что ещё ужаснее – разбитые собственноручно.

Зина вернулась домой, вылезла из ванны и всё думала. Да, дочка Марка неправа, обидела. Но Зина-то зачем сотворила из этого трагедию? Даже не спросив самого Марка, сразу записала его в предатели. «Эгоистка», – кивнул внутренний голос.

Обидеться, сбежать и ругать судьбу – как же это безответственно. Значит, до сих пор она не усвоила урока: быть счастливым и делать других счастливыми. Это потяжелее, чем просто сидеть и страдать.

А вдруг Март не звонил, потому что случилось что-то? Ему ведь тоже нелегко против дочки идти.

Зина включила мобильный. Прищурилась, разглядела вызовы от Марка! Она колебалась, страшно было позвонить. Нелегко так сразу посмотреть на себя со стороны и вдруг – сделать не так, как привык. Не так, как требуют «приличия».

В дверь позвонили. Зина открыла, жмурясь от неизвестности.

Это пришла дочка Марка, Марина. Не буравила взглядом, в накинутах пальтишке выглядела ниже, и осанка не такая самоуверенная. Молодая женщина немного пригнулась к Зине:

– С вами всё в порядке? – Марина мялась на пороге. – Вы простите меня, я, наверное, вас обидела.

Зина кивнула. Марина продолжила:

– Но как-то это не очень прилично, в вашем возрасте. Папа только о вас говорил, стал такой счастливый...

Зина выдержала величественную паузу:

– Мариночка, возраст тут ни при чём. И приличия тоже. Какая разница, когда быть счастливым? Другое дело, если ваш отец не хочет больше со мной общаться, переживу. Пусть придёт, заберёт свои банки! – Зина гордо махнула головой на рюкзак.

– Да нет же. – Марина совсем растерялась. – Он сильно простудился. День в бреду был, всё вас звал.

Зина бросилась бежать. Через несколько минут она уже сидела у разложенного дивана, Март не мог говорить, держал её за руку.

– Иди, заразишься ещё, – просипел с трудом.

– Я, наоборот, выздоровела. Навсегда. – Хихикнула, как одноклассница, навестившая заболевшего друга. Они шептались, то поддразнивая друг друга, то упрекая за размолвку. То замолкали от нахлынувшей нежности, как будто за дверью их пытались подслушать родители.

А на кухне дочь утирала слёзы и качала головой, никак не могла успокоиться. Ей казалось, всё было не совсем правильно. Хотя, зачем она себя обманывала? Счастливые всегда правы.

СЧАСТЬЕ - ОТ СЛОВА «СЕЙЧАС»

Малыши носились по заснеженному «городку» в центре залитого солнцем двора. Тут же утеплённые бабушки собрались в кружок и трещали, не закрывая ртов. Обменивались мнениями о жизни и пенсиях, вспоминали о прошлом, сплетничали о настоящем.

Опытная бабушка Наталья закутана в пуховый платок, на ногах – огромные валенки мужа. Кажется, она влезла в них прямо в сапогах. «Жар костей не ломит», – Наталья права, как всегда. Не до имиджа. Менее закутанные собеседницы уже переминались с ноги на ногу. И поболтать хочется, и мороз не велит.

Зина, как неопытная «гуляльщица», успела замёрзнуть. Но ей было отчего-то весело. Все переживания позади, она так решила. С гордостью посматривала на Гришу. Мальчишка в пуховичке махал ей рукой с горки и пытался съехать на ногах. Зина ойкала растерянно. Грозила ему, но серый клубочек скатывался и снова карабкался наверх. Новые ощущения, новые волнения. Зина уже спокойно выдерживала перешёптывания новых товаров.

– Бабуля!

– Что, котёнок? – Наталья оторвалась от разговора, суровый взгляд потеплел.

– Ты ведь была маленькой? – правнучка Наташа задумчиво прихлопывала лопаткой снег.

– Была.

– А как из маленьких девочек получаются такие вот бабушки? – ребёнок недоверчиво смерил взглядом свои и бабушкины габариты.

Наталья оглянулась, мол, помогайте. Подружки растерянно пожали плечами. Девочка, не получив ответа, убежала на горку. А Зина всё ещё смотрела на снег, провалившись взглядом в его слепящую белизну.

Вроде живёшь, ходишь, что-то делаешь. Изнутри – какая была, такая и осталась. Вот, кажется, совсем недавно мама на саночках возила, закутанную в шаль. Крест-накрест, от лютых послевоенных морозов спасала. Тебе кажется – ничего не поменялось. Ан нет – глянешь в зеркало, и не знаешь, откуда такая получилась?

– Вот ведь, как скажет, так скажет. – Наталья подобрала брошенную лопатку и хмыкнула, погрузнев. Ей тоже знакомо саднящее несоответствие. Внутри она всё та же: юная, полная сил и идей. А действительность тыкает в морщинки зеркального отражения, напоминая о надвигающейся беспомощности, о каких-то неотвратимых горестях. Неужели теперь только отчаяние и бессилие – их удел? Женщины переглянулись, покорно спрятались за привычный вздох: «Старость – не радость, чего уж теперь».

Тут подкатилась краснощёкая Галя и затараторила, спеша поделиться бесценной информацией.

– А слышали, девчонки, Любка-то старичка завела! Да, точно, я сама видела, идут под ручку, ой, умора!

– Да ну! – подружки радостно переключились на благодатную тему, косясь на Зину.

– И куда ей, еле ходит.

– Так, глядишь, молодухой и забегает!

Весело обсудили удачу малознакомой Любки, забыв и о вопросе маленькой девочки, и обо всех напоминаниях возраста. И о пенсиях, которые только что пересчитывали, о ценах. Обо всём забыли, как только про любовь разговор зашёл.

– Зинка, слышь? – Наталья ехидно толкнула задумавшуюся подружку. – Любка тоже замуж собралась!

Зина беспечно пожала плечами, поймала взглядом заснеженного Гришу. Собеседницы переглянулись. Понятно, кумушки давно обсудили роман Зины и сгорали от любопытства.

«Вот так и получаются из милых девочек старые сплетницы, – огрызнулась про себя Зина в ответ на ухмылки. – Им-то какое дело!»

– Ой! – неожиданно пискнула невысокая Таисья, присев и прячась за Наталью.

– Что? Сердце? – та с готовностью подхватила женщину за рукав, командуя: – У кого таблетка близко?

– Да тише ты, – невежливо прервала Тася. – Гляньте, прошёл? – Опасливо выглянула. По дорожке ковылял старичок с палочкой, побитая жизнью шапка помахивала «ушами».

– Кто? Где? – загалдели подружки, с готовностью разыскивая взглядом нарушителя Тасино спокойствия.

– Уф-ф, аж взопрела. – Тася поправила пуховый берет.

– Да кто там? – Обиженно вертели головами собеседницы. Тася не заставила ждать:

– Да Лёнька! Любовь моя первая. Ты, Наташ, не помнишь, а вот ты, Галь, должна. Со мной в техникуме учился.

– Лёнька? – ахнула Галя. – Это он? Вот бы не узнала! Постарел, слушай.

Все с неодобрением закивали головами. Разве положено однокурснику вполне молодой ещё пенсионерки так неосмотрительно хромать с палочкой, намекая на возраст?

– А чего спугалась-то? – Наталья, не выпуская правнучку из вида, вся превратилась в слух.

Тася помедлила смущённо:

– Дак не знаю, девки, стыдно сказать. Любовь, али что. До сих пор, как увижу, сердце-то и колотится. Иду в магазин, гляну – он. Отвернусь, как будто не узнала. А самой так горячо, и в ушах «тук-тук». А если не увижу неделю, дак уж и боюсь – не помер ли.

– Ой, не говори, Тась, вот как было-то. – Галя прижала варежки к щекам. – Я тоже мужа так любила, так любила! Аж повеситься хотела.

Общий завидуший вздох от силы Галиных страстей прервала Наталья:

– А чего сразу веситься?

– Любила так, – дала Галочка логичный ответ, и все укоризненно глянули на насмешницу.

– Не, Галька, ты всё правильно сделала. – Наталья хохотнула. – Повесилась бы – и чё? Он бы жил и радовался. А так замуж вышла за него – и на всю жизнь, считай, наказала мужика!

– Тьфу ты, и правда! – согнулась Галя от смеха.

– Эх, Наташка, – хихикнули остальные. – Неромантическая ты.

– Да уж куда мне, – притопнула Наталья. – Зато Колька у меня романтик, куда тебе! Чуть опять без ног не остался.

И все с удовольствием прослушали в очередной раз историю местного «Отелло». Ревнивый Николай притопал пешком по лесу до профилактория, где Наталья поправляла здоровье. Злой, замёрзший, он жаждал «застукать» неверную.

– Да ты сама виновата, Наташка, – вступилась Зина. – Платья лучшие взяла, да помаду, все уши прожужжала, что будешь на танцах веселиться. А он же – за чистую монету!

Подружки охали, представляя, как шёл Николай по тёмному лесу и рисовал в воображении, как его жену со всех сторон «разрывают» знойные молодые дедки. А она, с крашенными губами, танцует с ними танго.

– Пусть лучше так думает, – кивнула Наташа, представив картинку.

– Не рассказывать же, как я еле дыша, из ванны вываливаюсь, да ещё полчаса по лестнице поднимаюсь. А танцы! – она затряслась всем пуховиком. – Три бабки на лавочке! Вот бы мне самой посмотреть на тех дедков, что он напредставлял!

– Надо же, любовь какая, – завидуше вздохнули бабушки. – В наши-то годы!

– Кому любовь, а я ему коленки растирай! – довольно заворчала Наталья. – Только ходить нормально начал. Одна морока с этими мужиками.

– Вот я тоже говорю, – поддакнула незнакомая дама, отряхивая нарядную внучку. – От мужиков одни проблемы. – Девочка вывернулась и снова побежала барахтаться в снегу. – Одни раздражители эти мужики!

– Да-да! – так же дружно, как умилялись любовным историям, подхватили товарки, обращаясь почему-то к Зине. Под этим натиском она замотала головой, как синица в ловушке.

– Точно! – влюблённая Тася энергично закивала. – Никакого толку от них нет, только вари да прибирай.

– Одной-то лучше, – продолжила дама в норковой шляпе. – За мной один увязался: «Давай вместе жить, вижу, баба ты аккуратная да работающая», – тьфу!

Слушательницы с готовностью скривились. Мужененавистница повернулась к Зине:

– Нет, думаю, шиш тебе, были рога в торгу!..

Наталья одобрительно крякнула, подпихивая Зину в бок:

– Им только обслугу подавай, а от самих-то толку нет – ни украсть, ни покараулить. И живи потом, мучайся! – подвела она итог. – Ещё и ревнует, старый чертёга.

– А чего ж ты за такого вышла, ещё и отбила у Зойки? – не удержалась Галя. – Красавец был твой Колька – хоть куда!

Наталья смущённо пожала плечами:

– Давно это было, теперь уж всё в прошлом, – и позвала внучку: – Наташа! Пошли домой, нагулялись.

– Это точно, мы уж своё отгуляли, бабоньки. – Все тоже начали созывать краснощёких внуков.

К Зине побежал Гриша, целясь снежком. Она ловко увернулась и тут же бросила снежок в ответ.

– Смотри, какую я льдинку нашёл!

Прозрачный кусок играл всеми гранями, как бриллиант.

– Ух ты! – поделила радость Зина. И так же заворожённо, как он, всмотрелась в волшебный обломок. В этот момент не было никакой разницы между девочкой Зиной в маминых саночках и этой Зинаидой Ивановной. Если специально не разделять прошлое и настоящее, ничего не меняется. Всё лучшее остаётся с тобой, в тебе.

И Николай бредёт по лесу, чернея, как Отелло, от ревности к той, молодой и смешливой Наташке, которая отбила его вчера у серьёзной комсомолки.

И Тасино юное сердечко стучит и ждёт худого паренька с кудрявым чубом. Вот сейчас он обернётся, не пройдёт мимо. И любимый прищур голубых глаз остановится на ней.

И Галочка в белом платье умирает от счастья, надевая дрожащими пальчиками кольцо такому же взволнованному пареньку.

А к Зине и Грише, смеющимся от морозного утра, от попавшего с цель снежка, да просто от беспричинной радости, подошёл Мартемьян. Он же – восстановленный в «звании» Март. Перечёркивая все переживания, воспоминания и страшные предупреждения. Галантно поздоровался: «Прекрасно выглядите!» Бабушки засмутились, изящно наклоняясь к внукам. Дама кокетливо поправила шляпу.

– Привет! – расцвела Зина девчоночьей улыбкой. Март принялся отряхивать Зину от снега, Гриша схватил обоих за руки и стал подпрыгивать, поджимая ноги.

Остальные расходились, подгоняя румяных внуков. Оглядывались, выгибая шеи.

У них всё было в прошлом. И никто против этого не возражал, сами себе так назначили.

А Зина так светилась, так хохотала, как будто у неё всё только начиналось. Как будто несоответствие между внутренним и внешним, как пшик, исчезло. Никакой разницы нет, если о ней не задумываться. Чем дальше отходили женщины, тем моложе им казались Март и Зина.

Маленькая Наташа тащила за собой бабушку. Большая Наталья, едва поспевая, задумчиво прихлопывала искрящийся снежок лопаткой.

– Бабушка, а давай, когда я вырасту, ты снова станешь маленькой? А я буду с тобой играть и пирожки тебе печь. Договорились?

Наталья согласно кивнула. Почему-то это не показалось ей невозможным.

НАРРИ END, ИЛИ ТОЛЬКО НАЧАЛО

– Март, – Зина перевела дух от услышанного. Поправила причёску, одёрнула самое нарядное платье, пока решительный поклонник даже прищурился от удовольствия, услышав, как его назвали. – Март, ну, послушай, это же смешно – в нашем возрасте...

Они стояли у колонны. Только что закончился концерт, подружка Альбина пригласила на выступление своего хора. Во дворце всё было празднично украшено по поводу «буржуйского» праздника «Дня влюблённых». Немногочисленные пары смельчаков кружились в вальсе. Мартемьян пробормотал:

– Да уж куда смешнее! Да я лет двадцать не танцевал! Все смотрят, галстук жмёт. Скажи кто раньше – сам бы обхохотался. – Он взял руку Зиночки в свою и добавил: – А всё ты. Ты, Зиночка, всю мою жизнь переменяла.

Зина засмутилась, попыталась убрать руку, перевести в шутку:

– Я прямо как Наташа Ростова на первом балу.

Наряженные дамы, такие же «Наташи», выходили в фойе и растекались по стеночкам под звуки вальса. Переговаривались, поглядывали кокетливо на малочисленных кавалеров. Наталья и плетущийся за ней Николай направились к Зине. Наталья не успела подойти, толкнула подружку вбок, показывая:

– Глянь, что этот кузнечик вытворяет! – Бойкий старичок в красном галстуке-«бабочке» кружил свою даму в центре зала. – Первый танец, а он уже выскочил, ну даёт! Смотреть не на что, шимордик какой-то. Плюнешь – перешибёшь, а бабки-то за ним в очередь выстраиваются! – Наталья затряслась от смеха.

Николай услышал только последнюю характеристику, насупил ещё больше и заворчал на жену:

– Чего кофту-то голую напялила? Замёрзнешь, смотри не жалуйся, в гардероб не побегу!

Наталья машинально поправила блузку с глубоким вырезом и, как ни в чём не бывало, устояла на подпрыгивающего старичка, да ещё и стала притоптывать в такт.

Мартемьян остался серьёзным, отодвинул Зиночку от друзей и снова сказал то, что не мог выговорить наедине. Как будто люди, музыка, праздничное убранство дали ему больше прав выразить то, что он чувствовал:

– Зиночка, я не верил, что так бывает. Ты знаешь, я не мастак говорить про чувства там всякие. – Он решительно закончил: – Пусть смеются, пусть болтают – да они все завидуют просто. Будет так, как мы решим.

– Март, ну ты и командир. – Зиночка покачала головой. И правда, пусть смотрят. Она в красивом платье, красивая музыка. А такие мужчины, как её спутник, здесь вообще редкость! – Тогда давай танцевать, – тоже решительно скомандовала она.

И Мартемьян, краснея от напряжения и старания, повёл свою воздушную спутницу в туре вальса. Мелькнула хитрая улыбка Натальи,

строгая Альбина в сверкающем топике качнула головой. Зина скорей отвернулась, подумав: «Будем считать, в знак одобрения» Марк вёл уверенно, хоть и смущаясь под взглядами перешёптывающихся зрителей.

«Разве так бывает? Со мной? В настоящей жизни?» – стучало Зинино сердце. Она до сих пор не могла поверить, что ей сделали предложение! Позвали замуж! Зина пыталась сообразить, сколько они знакомы. Необычно растерянный голос подбросил картинку из рядка банок у балкона, подсчитал: «... восемь, девять и ещё одна в холодильнике, с грибами». Три месяца знакомства, и ровно десять банок. Каждая баночка могла рассказать больше, чем слова: как Марк подкарауливал её во дворе, «загуливая» Гришу до усталости. Приносил подарки и отказывался зайти. Думал, что такая возвышенная женщина, конечно, его не заметит. После третьей банки стал добавлять шоколад или конфеты. Такой смешной набор!

Подружки кто во что горазд обсуждали, предостерегали, подшучивая над их «романом». Может, завидовали? Люди охотнее верят плохому, ждут подвоха. И отказываются понять, что право на счастье с возрастом не исчезает.

Зиночка не ожидала, что Мартемьян вместе с десятой банкой выложит ей руку и сердце. Надо же, в «День влюблённых», прямо перед походом на концерт! Некстати вспомнилась цитата из фильма: «Я старый солдат и не знаю слов любви». Хорошо, что она не расхохоталась от неожиданности, а то... А то не быть ей невестой!

Нет, всё-таки смешно – невеста почти под семьдесят лет! Зиночка кружилась, а внутренний голос по привычке отчитывал: «Ах ты, сахарница, чего удумала? Да какая любовь, смех один!» И ещё добавлял разумный голос, что дочка Марка всё-таки против, хоть и виду старается не показывать. И что он-то, красавец, может найти и помоложе невесту. И, как обычно Наталья с Альбиной, что-то напоминал про мошенников и квартирных воров.

– Март, зачем нам жениться? – Запыхавшаяся после танца Зина затараторила. – Совсем не обязательно в нашем возрасте. Просто переезжайте ко мне, так будет удобно и нам, и вашим детям. – Зина так запросто произнесла это, что почувствовала себя просто какой-то «продвинутой», как сейчас говорят, феминисткой какой-то. Хотя нет, феминистки, они же против мужчин? И жить к себе не зовут. Внутренний голос прошипел: «Блудница! – с интонациями Альбины в острой фазе порицания.

– Ну, ты, Зинка, и распутная!» И схватился бы за голову, если бы она у него была.

Мартемьян даже оторопел и, перекрикивая ведущего, возмутился:

– Что? Я так не могу, простите, Зина. – От волнения он перешёл на «вы». – Может, я несовременный, но считаю, что мужская обязанность – заботиться о женщине. Это же безответственно – жить с женщиной и не оформить с ней законные отношения! Это трусость какая-то. Я так не могу.

Зина скорей закивала головой. Да разве можно отказать после таких слов? Слов мужчины, настоящего мужчины. Воспоминания обо всём, что было раньше, не вызывали боли. Что уж теперь говорить. Слишком поздно, но поняла, как жизнь проста – посылает тебе то, что ты хочешь. Надо только не задирать голову слишком высоко и не смотреть под ноги, принижая себя. И так и эдак – проглядишь. Ровно на уровне глаз – твоё. Протяни руку и бери. Наконец-то пусто-та внутри заполнилась чем-то новым! Разумный голос хихикнул: «Да, заполнилась – маринованными огурцами!» Больше ему нечего было возразить.

Торжествующий от такой быстрой «победы» Марк побежал в буфет за бокалом сока. Зина заметила грустного Николая:

– Коль, не нравится здесь?

Николай серьёзно посмотрел на Зину:

– Танцуйки-то? Ерунда на постном масле. У меня столько дел, а я тут время теряю!

Зине, порхающей в своей эйфории, стало даже неудобно. А Николай доверил ей накопившееся:

– Ведь погодка как раз – самое то! И рыбка на дне не лежит, и не холодно. Небо знаешь какое над рекой? Ух, а не небо – кругом красотища, а ты сидишь тихонечко и подсекаешь, и подсекаешь!

До Зины «дошло»:

– Да ты что, Коль, на рыбалку ходишь? Вот молодец! И правильно, раз нравится.

Николай оттаял от похвалы:

– Дак чё там, какие мои годы, скриплю потихоньку.

– Нет, ты просто молодец, Коля!

Николай вздохнул: почему только Наталья его так не хвалит? Всё ворчит, всё ей не так. И на рыбалку не отпускает, жалко ей, что ли? Вот,

притащила на танцы какие-то, вырядилась неприлично, а сама... Николай сбился с мысли.

Даже Зина охнула: «Ну, Наташка!»

Наталья кружилась в танце с тем самым популярным «кузнечиком»! И хихикала, и глаза жмурила. Кавалер ловко ворочал внушительную даму, а та неожиданно легко подскакивала на поворотах.

«И как она через ряды поклонниц этого дедка пробилась? Наверное, всех отпихнула, вот они сейчас пыхтят!» Николай тоже запыхтел, рванулся и схватил первую попавшуюся даму. И неистово закружил удивлённую женщину, направляясь тараном в сторону коварной изменщицы.

«Что-то Март задерживается». – Зина оторвалась от «испанских страстей», подошла к буфету, заглянула.

Марк с двумя стаканами в руках мялся посередине буфета, а Альбина, ухватив его под локоток, что-то мурлыкала на ушко. Зина поразилась, как меняется Аля рядом с мужчинами. Сразу исчезает колючий взгляд и подозрительный прищур глаз. Марк потихоньку двигался к выходу, до Зины донеслось:

– Значит, вам понравилось моё выступление? Знаете, я так всегда волнуюсь, когда выхожу на сцену! Это свойственно всем настоящим артистам.

«Ну уж точно, артистка! – Зина попятилась. – Ну, ты у меня дождёшься!»

– Ой! Извините! – Зина врезалась в кого-то. Дедок в галстук «бабочке» скрючился на полу. К нему уже бросились «поклонницы», кидая грозные взгляды на обидчицу. Танцор отмахнулся от помощи, подполз к покрасневшей Зине и прошептал, поднимаясь:

– Мадам! Вы очаровательны.

– Мадемуазель! – пискнула Зина автоматически.

– О! – обрадовался «кузнечик», не спрашивая, подхватил Зиночку и повел танцевать.

Музыка заиграла громко, задорно. Все нарядные дамочки, как по команде, отлепились от стенок и весело подпевали смешные слова: «Мне уже восемнадцать, в паспорт страшно смотреть...» И только Зина всё кружилась с кавалером.

Альбина тоже выскочила из буфета, стала приплясывать, поводя голыми плечами. Марк пытался разглядеть Зину, от растерянности отпивая из обоих стаканов.

Как только закончилась весёлая песня и «кузнечик» выпустил из рук Зину, Николай вдруг выскочил вперёд и, выставив груд колесом, стал яростно дёргаться под следующую энергичную композицию. Старичок в «бабочке» ответил на вызов, подпрыгивая в невообразимых па. Дамы расступились, притоптывая, а мужички не уступали друг другу, всё больше распаясь в танце. Зина тоже не отходила, приложив руки к щекам, качала головой. Любопытная Альбина уже охала рядом. И Марк вытягивал голову, всё ещё держа в руках два полупустых стакана.

– Ну, Колька! – Наталья кричала Зине в ухо. – Вприсядку уже пошёл, сейчас точно на мостик встанет, чертяка! Я ж его потом не соберу!

Энергичная музыка заканчивалась, мужчины уже тяжело дышали. Наталья двинулась спасать Колю от «мостика», но тот на последнем такте слишком приблизился к сопернику и толкнул его в бок. Тщедушный танцор не удержался и повалился снова, только теперь на Альбину.

Добрые женщины с готовностью бросились поднимать героя. Музыка кончилась.

– Вы прекрасны, мадам! – разнеслось по залу. Тяжело дыша, поверженный, но непобеждённый танцор стоял на коленях перед Альбиной.

– Мерси, – Альбина передумала скандалить и игриво улыбнулась, отряхиваясь. Заиграла музыка поспокойнее, танцор приобнял Альбину за талию. Наталья, потрясываясь от смеха, поднимала свалившегося рядом Николая:

– Эх, Колька, потанцуем, что ли?

– Натанцевался уже. – Еле переводя дух, Николай побрёл к колонне.

Зина направилась к выходу. Мартемьян нагнал её около гардероба, наконец-то брякнул стаканы на стол. Зина стала рыться в сумочке в поисках номерка. Какая-то усталость напала, не хотелось ни говорить, ни думать. Неужели вот о таких переживаниях мечтают одинокие женщины? Столько мороки, а ради чего? Наверное, это снова чужие голоса заговорили в ней, или просто ревность и обида? Зина вертела номерок и ждала оправданий.

– Зина, а ты хорошо переносишь морской климат?

– Что?

Марк, улыбаясь, как ни в чём не бывало, продолжил:

– У меня армейский друг живёт в Краснодарском крае, очень хорошее место. Море рядом.

– Мы туда поедем? В отпуск? – Зина забыла обо всём, закивала.

Марк рассмеялся:

– Ты чудо! Мы же на пенсии, у нас вся жизнь – отпуск!

– Но ты ведь работаешь, – возразила Зина. – Как же твой хваленый автосервис?

– Разберусь, – коротко ответил Мартемьян.

Зина спрятала номерок. «Разберусь» – и всё понятно, не о чем беспокоиться. Она так привыкла сама о себе заботиться, казалось нереальным, что можно на кого-то опереться, что кто-то по своей воле забрал часть груза. И только потому, что она – это она, Зиночка.

– Ты слышишь? – повторил Март. – Тебе не повредит морской климат?

«Что за глупости? – возмутилась Зина про себя. – Как может море повредить?» Да она всю жизнь только и ждала лета, копила деньги на поездку к морю, пока работала. А на пенсии и мечтать почти перестала об этом. Никак не удавалось скопить и решиться. И только после третьего вопроса до Зины дошла волнующая правда: Март звал её уехать. Навсегда. К морю.

Голос разума поперхнулся, если смог бы, и замолчал. Потому что на все вопросы о квартире, месте жительства, работе и средствах на переезд и жизнь Мартемьян коротко ответил: «Разберусь».

Они вернулись в зал, держась, как маленькие, за руки и не замечая этого. Медленные танцы окончательно уступили современным ритмам. Танцевали все, как всегда, «разойдясь» к концу вечера. Зиночка высматривала подружек. Интересно, что они скажут, когда узнают о свадьбе? А об отъезде? «Я смотрела по телевизору, есть такие маньяки, они старушек берут замуж, увозят к морю, и там...»

Наталья ухала в серединке. Альбина «выхаживала» почему-то у дверей буфета. А там, за столом, Николай мирно беседовал с танцором:

– Понимаешь, Георгич, надо, вишь ты чё, успеть до смерти-то! Вот ты – что хочешь успеть?

Георгич ёрзал, поправлял свою «бабочку» и жевал булку:

– Прямо так и не скажешь, с кондачка-то. Это, брат, того, не пляски плясать, это – сурьёзно.

Да, вопрос серьёзный. Но, как всегда, на все серьёзные вопросы находят самые простые и единственно возможные ответы. Надо успеть быть счастливым. Делать то, что приносит радость тебе и другим. И любить, конечно же. Что может быть важнее?

Вот и наш хэппи-энд. Все счастливые истории заканчиваются свадьбой!

Долго, ещё долго будут обсуждать подружки Зиночкину скромную, но душевную свадьбу: как перепели все песни, танцевали и флиртывали, конечно же. А какая красивая невеста была, моложе годков на двадцать выглядела. Всё не как у людей! Как это возможно? Разве такое бывает?

Оказалось, бывает. Стоит только забыть вредную поговорку «старость не радость», перестать оглядываться на «людей», правила и ограничения. Вспомнить о счастье, для каждого о своём. Но оно обязательно есть, оно здесь, рядом и очень обижается, что его не замечают. А что ещё, как не счастье и любовь, делает людей молодыми и здоровыми, полными желаний и сил для их исполнения.

Юлия СТЕПАНОВА

ЕСЛИ... ТО КАК?

Новелла

Иногда очень сложно принять решение. Будто ты набит сырым песком. Такое бывает только тогда, когда сердце спорит с разумом. Хочется на всё наплевать, заснуть так крепко, чтобы никто уже не мешал. Под вечер такое ощущение становится ещё отчётливей. Оно полностью захватывает тело, и сопротивляться ему уже невозможно. Появляется сильное желание прихода того долгожданного счастья, ради которого я терпела всё это время. Сейчас, именно сейчас.

Такое нехорошее чувство.

Ненавижу.

Слово, от которого становится дурно. Желание уничтожить всё, что связано с объектом несчастья, неугомонного сумасшествия. И надежда, что когда-нибудь это станет возможным.

Стою на трамвайной остановке, тербляю запястье левой руки. Я никогда не думала, какими жестокими могут быть люди вокруг. Хотя они, скорее, просто глупы, чем жестоки. И иногда мне жаль, что я чем-то от них отличилась, ведь из-за этого... Из-за этого мне приходится ненавидеть. Я не хочу заставлять свои эмоции молчать (и ненависть в их числе), ведь эмоции и осень – это всё, что у меня осталось.

Я начинаю потихоньку исчезать, мои руки, ноги уже немного легче и вот-вот станут невесомыми. Я распадусь на множество цветных молекул, забуду и забудусь, может быть, никто даже не заметит моего исчезновения. Может быть...

К остановке быстрыми шагами подбирается мальчишка лет шестнадцати, на его лице читаются чрезмерное самомнение и жестокость в «наплевательском» отношении к кому-то, кроме себя.

– Привет, привет!

– Ты опоздал... Снова. Убить тебя за это мало! Я, между прочим, стою, жду...

Его встречает девушка, скорее всего, чуть младше парня, и мне в голову приходит мысль о синей рыбе. Хотя рыба была стройная, я представляла её себе жирной и синей.

– Ну, убьёшь ты меня, тебя посадят, и что дальше?

– Кто сказал, что меня посадят?

Подошёл трамвай, и парочка прервала свой разговор, медленно подползая к входу. Народу было мало. И это был мой трамвай.

Я наблюдала, как железный жук, шатаясь, убежал за поворот, тем временем мысли в моей голове прекратили свой привычный поток. Их что-то сбilo, что-то опередившее моё сознание.

Чтобы избавиться от такого состояния, мне оставалось пойти домой пешком и надеяться, что шаги и асфальт приведут меня в порядок. Лишь через квартал я вспомнила момент, выбивший меня из колеи, и вопрос, появившийся сам собой.

Если убить, то как?

В такт моим шагам в сознании складывались в одну громадную стопку все случаи убийств, о которых я слышала. Только одно меня смущало: я знаю, что это убийства, я знаю, кто убийца. Как убить так, чтобы об этом никто и никогда не узнал?

Появилось чувство потерянности во времени. Мой шаг ускорился с потоком мыслей, с такой же тенденцией начал исчезать окружающий мир. Я не вижу, не слышу, я занята тщательным обдумыванием своих планов. Как мне казалось, планов моего счастья.

«Самое главное, чтобы никто даже не подумал, что это я. Чтобы эта мысль обходила стороной головы наивных, верящих в справедливость и собственную правоту. Значит, надо сделать всё как можно тише».

Мои глаза бегали по всему окружающему, секундами сознание взрывали вспышки эмоций. Словно фейерверк. Но не в форме фонтана, скорее, в форме улетевшей в небо звезды. При любых остановках идти дальше уже не хотелось, будто чан со всеми силами кто-то опрокинул и моя жизненная энергия растеклась по холодному каменному полу. Но всё равно я каждый раз возвращалась к своему вопросу: «Если... то как?».

«Тишина... Это одна из причин, по которым вариант с огнестрельным оружием отпадает, кроме того, я не смогу достать и уничтожить оружие, когда это понадобится. Если допустить, что я каким-то образом приобрела его, то валяющийся в какой-нибудь мусорке пистолет – это явно не средняя статистика. Да и глупый дядя-бомж наверняка достанет его оттуда и решит похвастаться своим братьям по несчастью. А если он выстрелит из него в неприятеля – воришку с соседней помойки, то

моя счастливая жизнь накроется медным тазом. А сверху положат кирпич».

Я пошла слишком быстро, так что буквально врезалась в те тридцать секунд, что светофор выделил машинам. И шла уже как будто бы не я.

«Также я не собираюсь таскаться по городу с трупом, чтобы где-нибудь его спрятать. Во-первых, я не вол, во-вторых, труп в сумке – это совсем немного, буквально чуть-чуть, подозрительно.

Такая же проблема будет и с ножом или другим ручным оружием. Его спрятать уже легче, но всё равно опасно. Плюс к этому огромное количество крови. Это значит, мне придётся мыть пол. Тратить драгоценное время. Кроме того, кровь просто так не отмоешь. А если резать где попало, то имеется вероятность, что объект не умрёт... И тогда он может случайно, при непредвиденных обстоятельствах, запомнить меня. Нет, так нехорошо».

«Если... то как?» Мой ответ был уже близок, я буквально дышала ему в спину, когда подошла к подъезду своего дома. Взгляд исподлобья на это каменное чудовище. Ненавижу этот дом. И мне кажется, что наши чувства взаимны. Две ступеньки, касание ключом домофона, я открываю дверь. Огромная камера в подzemелье. Здесь проживают крысы с красными глазами и противные костлявые (если так можно выразиться) комары. У каждого из них своё отделение. По несколько штук они заперты там. Без еды. Каменные стены словно не пропускают её. Запертые вместе, крысы без еды пожирают друг друга, прямо следуя правилу моряков из серии «Что делать, если?» Что делать, если в трюме появились грызуны? Команда и без того на взводе, а тут ещё всякое зверьё таскает вашу еду. Способ избавления от напасти прост: нужно поймать несколько крыс и посадить их в бочку без еды. Через неделю голодовки, скажем, из четырёх крыс останется только одна. Она-то и решит все ваши проблемы. Все мои соседи являются одной большой ассоциацией с этими крысами.

И всё же я здесь живу. Ключ открыл знакомую дверь, и теплый воздух начал царапать мне лицо и руки. Надо сказать, что у него не особо получалось, но всё-таки ощущения не из приятных. Пока я ходила и открывала форточки, дверь привычно захлопнулась. Квартира со мной поздоровалась. Квартира, из которой я когда-нибудь уеду, в другой город, может, в другую страну. Буду следовать за чистой, свободной мечтой и забуду эти стены. Большие, белые, добрые по-матерински стены. Но я

забуду и воздух, воплощающий историю этой квартиры. Хотя сейчас это не важно, мне надо изменить судьбу, свою, этого дома.

Я оставила обувь в коридоре, а верхнюю одежду бросила в углу своей комнаты, сумку поставила на стул. Сама, сталкивая на пол книги, испугав спящую кошку, забралась на середину кровати. Там, лёжа, я открыла свой нетбук. «Интернет – ответ на все вопросы, – мелькало у меня в голове во время заставки Виндоус. – Но что я собираюсь узнать у него?»

Как успокоить нервы, мысли, как внезапно стать счастливой в беде? Сама жизнь – беда, мы все вынуждены существовать и терпеть, и как же несправедливо розданы нам эти страдания! Не хочу об этом думать, нехорошие мысли порождают нехорошие деяния. Хотя кто мне такое сказал? На мой взгляд, жизненная цель каждого человека – это стать счастливым. И уже не важно, что представляет из себя его счастье, крепко держать ручку в руке или вырастить куст крыжовника. Чехов... Никогда его не любила. Почему же многие и многие стоят на нашем пути, обвиняют, душат, лишь потому, что их жизненные ценности не совпадают с нашими? Меня занесло, это неправильно... Порой у таких людей даже исчезает что-то человеческое, тогда они похожи на одноразовые кульки. Прозрачные, пустые, но способные убить. Они не дают дышать, они уничтожают наше счастье. Моё счастье. А я хочу быть счастливой».

Непонятно, как я воспринимала тогда информацию. Как я меняла сайты, закрывала всплывающие окна. Читала, пронеслась глазами по статьям, на белой компьютерной бумаге записывала адреса сайтов. Рядом с каждым адресом было по три заголовка: «Что?», «Как?», «Сколько?» Пять, шесть, уже семь вечера. Три часа я записывала это.

«Эргокальциферол (витамин Д); есть; несколько недель. Долго. Кофеин (домашнее приготовление); есть, не более суток. Затратно, грязно. Ядохимикаты; *зачёркнуто*. Ртуть; доступно; постепенно. Слишком опасно для окружающих. Ток; доступно; казуистика (редко). Белая поганка (амантотоксин); возможны трудности; в течение дня. Скорее всего, оставлю следы. Зубной яд; *зачёркнуто*; Человеческие укусы считаются наиболее тяжёлыми, труднозаживающими и подверженными осложнениям. Болиголов пятнистый (конин, цикототоксин); труднодоступен осенью; неизвестная эффективность».

Это и многое другое копилось на бумаге от Forpus (all your office needs). Я бы писала и дальше, искала бы и находила; меня завораживала

не столько моя цель, сколько путь к ней. Я задавалась вопросами: «А как это?», «Как выглядит человек во время смерти?», «Что чувствует человек, умирая?», «Что происходит внутри него?». Но почему-то эти вопросы я не задавала Интернету, я настойчиво искала способ убить и, может быть, увидеть своими глазами. Периодически трепала запястье и подёргивала серьги, сходила покормить кошку. Потом у меня заболела голова. Я и вправду устала. Хотелось спать, на улице уже темнело. «Может быть, если я усну сейчас, то просплю приход крыс в дом...» Нет, большой жирной крысы. И вонючей. «Интересно, я проснусь от запаха? Ха-ха». Комнату освежал ветерок из форточки, я положила несколько листов бумаги на письменный стол в углу комнаты, переделалась и легла в постель.

В мир грёз я провалилась мгновенно, без мыслей и обдумывания планов на завтра.

Лёгкость в голове, во всём теле, немного плывущее сознание.

Во сне я стояла в тёмном помещении, где не было ощущения пола, стен или хоть чего-нибудь, относящегося к предметам интерьера. Напротив меня, метра через три, стоял мужчина в шляпе, чёрном костюме и светлом галстуке, кажется, в наклонную линию. Пару раз точка моего зрения менялась, и я могла наблюдать себя со стороны. Свет на нас падал, словно от плохой настольной лампы, с правой стороны, еле освещая даже лица. Я была в своей спальной одежде, синяя футболка и серые лосины, чувствовала себя тоже как обычно. Спустя пару секунд мужчина со мной заговорил. Но очень тихо и неразборчиво, я всё поняла только тогда, когда он направил на меня револьвер. «Если... то...» – к сожалению, большего услышать мне не удалось. В те секунды меня одолевали два чувства: паника и любопытство. Причём любопытства было больше, вскоре оно полностью заглушило панику. Тогда я наблюдала себя со стороны, но не видела своих же глаз. Словно они были закрыты чёрной пленой или зафиксированы чем-то наподобие цензуры. Я сказала: «И что? Я не умру, давай. Я не умру. Ведь я...» Мужчина приблизился. Расстояние между нами сократилось до двадцати сантиметров, револьвер оказался в моей руке. Без каких-либо сомнений или переживаний я начала его поднимать, закрыла глаза, мужчина передо мной исчез.

Железо коснулось виска, я нажала на курок. То, что разорвало моё сознание, тогда не было холодным или горячим. Невесомое. Оно раскрошило что-то внутри меня, и лицо сгорало от горячего потока, сквозь

веки я наблюдала его красный цвет. Уши заложило, но перед этим я не слышала оглушающего звука выстрела, я чувствовала, как пуля вошла в мою голову, только не смогла почувствовать, как она вышла. Не успела. На самом деле я просто проснулась. Снова в тёмном пустом помещении, где освещалась только я, сидящая под одеялом на кровати. Видя себя со стороны, я сказала: «Я была права, что я сплю. Я это знала». На этом глухота и темень покинули меня, мягко, не меняя своего настроения.

Лёгкий ветер из окна поднимал полупрозрачные шторы. Он вроде бы даже что-то сбросил с моего стола, но оно, скорее всего, просто так лежало. Было холодно, настолько холодно, что я даже смогла побороть свою лень, подняться с кровати и закрыть окно. Я повернулась на правый бок и как следует укуталась красным одеялом в пододеяльнике с начатой вышивкой. Жаль, что её уже не закончат. Все уже были дома и давно спали. По квартире шастал запах чего-то мясного, может быть, даже с грибами. Позже я проснулась уже при солнечном свете.

Кошка лежала, растянувшись на подоконнике, периодически посапывая. Её мордочка находилась в тени, тело грелось на солнце полудня. Пушистый мешочек с тёплым наполнителем то поднимался, то опускался. Это милое существо незаметно поворачивало свой носик в мою сторону, создавая дорогое ощущение отвлечённой, потерянной мысли. Не то чтобы успокаивающей, но дающей передышку уставшим нервам.

София ЗИРИНА

ИРИШКИНЫ ЧУДЕСА

Глава из повести о девочке, которая жила в те давние времена, когда на Земле ещё не было ни телевизоров, ни компьютеров

Озорной солнечный лучик с любопытством заглянул в окно, пробежался по комнате и засверкал, запрыгал по лицу спящей девочки.

Вслед за ним и шаловливый ветерок, покачавшись на ветках сирени и разбудив дремавшие на клумбах цветы, подлетел к открытому окну, поиграл с занавесками и, нырнув под них, забрался в комнату. Он сразу заметил лучик, игравший с сонной девочкой, и присоединился к нему. Сначала он завился вокруг лица, раздувая кудряшки, разметающиеся по подушке, а затем заметил лёгкую пушинку, подхватил её и пощекотал нос девочки.

Девочка громко чихнула, проснулась и открыла глаза.

Она села, окинула взглядом комнату и сразу увидела большую, яркую красавицу-куклу, сидящую на столике возле кровати. Кукла широко открытыми глазами смотрела на девочку и улыбалась. Девочка подмигнула ей и весело засмеялась.

Иришка, так звали девочку, вспомнила всё: вчера приехала бабушка и привезла ей эту замечательную куклу. Давно она мечтала о такой. Часто даже закрывала глаза, чтоб представить такую куклу – с золотыми волосами, в красивом пышном платье. И вот она, её мечта, сидит на столике и улыбается.

Иришка – совсем взрослый, самостоятельный человек. Так говорит мама.

Ей исполнилось восемь лет. Она с отличием закончила первый класс. А сейчас впереди целое лето весёлых каникул. Бабушка приехала специально, чтобы присматривать за внучкой, хотя Иришка считает, что это совсем не обязательно. Но бабушку Иришка любит, и с ней, конечно, будет веселей.

Иришка вскочила с кровати, взяла на руки свою красавицу-куклу и закружилась с ней по комнате.

Рыжий кот Кузя услышал, что веселятся без него, прибежал в комнату и забегал, запрыгал возле девочки. Иришка запнулась за кота и упала прямо на него. Кузька завопил и убежал.

– Ну вот, Кузька, ты опять меня уронил! – засмеялась Иришка и добавила: – Не кричи, не жалуйся, сам виноват.

Иришка села с куклой на диван. Она говорила с ней, как с подружкой:

– Знаешь, бабушка сказала, что тебя зовут Жанной, но я назову тебя по-другому. Ты не обидишься на меня? Я буду звать тебя Алёнкой, так звали мою самую лучшую подружку. Алёнка была хорошая, никогда мои тайны никому не рассказывала. Но она уехала далеко и сейчас живёт в городе. Я по ней очень скучаю. Есть у меня ещё подруги: Люська да Маринка. И с ними весело играть, но они не умеют хранить тайны. А тебе про всё расскажу и с друзьями своими познакомлю. Сейчас мы пойдём с тобой в огород. Там мой друг скворец по утрам песни поёт.

Надев сандалии, Иришка взяла куклу и вышла с ней на крыльцо.

Было прохладно, хотя солнышко уже пригревало.

Бабушка во дворе кормила куриц. Увидев Иришку, крикнула:

– Куда это ты раздетая побежала?

– Бабушка, мне некогда, мы идём скворушку слушать.

– Ну, иди, только недолго, – согласилась бабушка. – Скоро завтракать будем.

С обеих сторон дома были два больших огорода. Прямо под окнами росли цветы и кусты сирени. А дальше на грядках были посажены разные овощи: капуста, лук, морковь, редиска, огурцы, горох.

С задней стороны дома тоже была калитка. Там возле дома росли кусты малины, смородины и ещё две высокие берёзы. На берёзах были скворечники – красивые маленькие домики для скворцов, которые сделал Иришкин папа. Каждую весну скворцы прилетали в домики, заводили в них птенцов, всё лето пели, а осенью опять улетали вместе с подросшими птенцами.

Под берёзами стояла лавочка. Иришка любила сидеть на ней и слушать, как по утрам поют скворцы. А пели они очень красиво. Папа говорил, что скворцов, как и попугаев, можно научить говорить. Да только как их научишь? Попугай сидит в клетке, и с ним можно разговаривать. А скворец – он вон где, высоко на дереве. Попробуй с ним поговори! Иришка пробовала, но скворец то ли не понимал её, то ли боялся, сразу прятался в домике или улетал.

Вот и сейчас Иришка села с куклой на скамейку и затихла, задрала голову.

– Скворушка, спой нам песенку. Ну, пожалуйста! – тихонько шептала она.

– Сиди тихо, – предупредила она куклу, – Они не любят, когда шумят. Они хорошие, но очень маленькие. Мы вон какие огромные, поэтому им страшно.

Скворец словно услышал просьбу девочки и выглянул из скворечника. Затем он сел на крылечко своего домика и запел. Иришка, обняв куклу, сидела затаив дыхание.

– Внученька! Пора завтракать! – услышала она голос бабушки.

Бабушка Настя очень хорошая и добрая. Она никогда не ругает и не наказывает Иришку, знает много сказок и интересных историй. Вот и эту красивую куклу бабушка привезла для неё из Ленинграда.

У Иришки много кукол, но такой большой и красивой ещё не было. И ни у одной из подружек нет, она это точно знает.

Ей так захотелось показать свою красавицу Люське и Маринке, что она тут же прибежала в дом с криком:

– Бабушка, давай мне скорее завтрак! У меня много дел! Я очень тороплюсь!

Она быстро умылась, натянула сарафанчик, панамку и села за стол. Быстро съев кашу, Иришка выпила молоко, схватила куклу и собиралась уже выбежать на улицу.

– Внученька, – остановила ее бабушка, – а что же ты мои пирожки не попробовала? Куда это ты спешишь с куклой?

– Ой, бабуленька, я потом все твои пирожки съем. А сейчас я побегу к Люське и Маринке свою Алёнку показать.

Бабушка обняла Иришку за плечи:

– К Маринке с Люськой? Лучше ты их к нам в гости пригласи. Я вас всех пирожками угощу. А красавицу свою дома оставь. У Люськи во дворе Тузик – вон какой забияка. Помнишь, как он тебя в лужу уронил? А у Маринки твоей кто сосед? Пашка? Вспомни, как он у тебя мячик проткнул и велосипед сломал. Так что оставь свою красавицу дома. А подружек своих сюда приводи.

Задумалась Иришка на минутку, вспомнила, как Пашка вчера в неё землёй кидал. Вся голова была в песке. Пришлось волосы мыть. А вдруг и правда куклу испортит?

– Ладно, Алёна, посиди дома с бабушкой и Кузькой, – прошептала она лучшей подруге, – а я скоро приду и всё тебе расскажу.

ПУБЛИЦИСТИКА КРИТИКА ЭССЕ

ПРО ДЕТСКИЙ САД, АТОМНУЮ БОМБУ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

...ПРО АЛЛУ СЕРГЕЕВНУ...

Во времена существования колхозов и совхозов почти в каждой деревне работали детские сады. Детишки с удовольствием ходили туда и жили с утра до вечера под присмотром нянечек и воспитателей.

В нашей деревне в детский садик по распределению приехала молодая, красивая, добрая Алла Сергеевна. У неё были длинные русые волосы, и она делала из них удивительные, не виданные нами до той поры причёски. Ведь кроме девичьей косички да по-особенному собранных на затылке волос замужней женщины, мы, деревенские дети, причёсок не видели. А Алла Сергеевна то свою косу каким-то мудрёным способом заплетёт, то пышный хвост распустил, а то волосы в какой-то сетчатый мешочек соберёт.

Утром, когда я приходила в детский сад, моя воспитательница в первую очередь расплетала мне косу, заплетённую дома бабушкой, и заплетала по-своему. Этим я очень гордилась, потому что среди девочек в нашей группе ни у кого не было такой косы, как у меня, и никому больше Алла Сергеевна её не заплетала.

А ещё Алла Сергеевна нравилась моему дяде Лёне. Когда он приезжал к нам в гости, то приходил в наш садик и просил меня сказать воспитательнице, чтобы она срочно вышла на крылечко. Она выходила, и они о чём-то недолго разговаривали. Я очень гордилась тем, что Алла Сергеевна нравилась моему дяде. Но она почему-то его не выбрала. Я тогда очень об этом жалела и всё думала: чем же он ей не понравился? Наверное, было чем.

...ПРО КУКЛУ...

Наша воспитательница окончила педагогическое училище в городе и поэтому часто рассказывала нам, какие там большие дома, магазины. Больше всего мы любили слушать про игрушки, в особенности про куклы, что в городе есть такой магазин, где продают большие куклы – ростом с нас. У них красивые платья, большие банты, они умеют го-

ворить и даже ходить. После таких рассказов мне часто снился сон, как будто я стою около ступенек, ведущих вверх, к зданию с колоннами, а там стоит большая кукла в красивом платье, с большим бантом. Я начинаю подниматься по ступенькам, а кукла спускается мне навстречу и говорит: «Меня зовут Маша! Меня зовут Маша!»

...ПРО РЖАНОЙ ХЛЕБ...

Жила Алла Сергеевна на квартире в другой деревушке, в полукилометре от нашей деревни, у старенькой бабушки, которую все звали бабой Гришихой. Мы в то время думали, что «Гришиха» – это её имя.

Через эту деревушку мы в тёплую погоду всей группой ходили на речку и по пути заходили к ней в дом. Дом забылся, но осталось в памяти то, что в этом доме всегда пахло хлебом. Баба Гришиха давала Алле Сергеевне два-три каравай свежееиспечённого ржаного хлеба, которые она заворачивала по одному в платочки, завязывала по углам, и мы по очереди несли их до самой речки. А там каждый из нас получал по большому куску ещё тёплого вкусного хлеба и с огромным аппетитом уплетал за обе щеки.

...ПРО АТОМНУЮ БОМБУ...

В нашем садике работала поваром тётя Аня. Когда накрывали столы, то заполненную едой посуду из кухни передавали через квадратное окошечко, которое закрывали только в конце рабочего дня. Когда тётя Аня мыла посуду, то, встав на скамеечку, через окошечко с ней можно было разговаривать. Один мальчик из нашей группы, Ваня, был очень умный, потому что в нашей деревне тогда только у них в семье был телевизор. Вот он после завтрака вставал на скамеечку и через окошечко переговаривался с тётей Аней про политику, про космос, про то, как люди в мире живут.

Однажды мне стало интересно послушать, о чём они говорят, и я встала рядом с Ваней на скамеечку. Разговор шёл про Америку и про атомную бомбу. Ваня рассказывал тёте Ане, что если на нашу деревню Америка сбросит атомную бомбу, то мы все погибнем, а от деревни останется только воронка. Мне стало очень страшно. Я слезла со скамеечки, встала в угол к печке и громко заплакала. Подбежавшие ко мне воспитательница и нянечка стали спрашивать: что случилось, кто обидел? Я, всхлипывая, говорила, что не хочу, чтобы на нашу деревню сбросили

атомную бомбу. Меня успокоили, а Ваню поставили в угол и запретили говорить в дальнейшем на эту тему.

Не помню, по какой причине, но примерно год в детский садик я не ходила. А когда перед школой пошла туда снова, то оказалось, что Алла Сергеевна там уже не работает, потому что вышла замуж и куда-то уехала. Встретились мы с ней спустя двадцать восемь лет. Сначала она меня не узнала, но, разговорившись, мы даже кое про что вспомнили – про куклу, ржаной хлеб и многое другое...

Галина МАРИНОВА

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА: КИНО

В 60-х годах прошлого века телевизоров у большинства семей не было. Поэтому все от мала до велика ходили в кинотеатры. В нашем городе Березники тогда был только один кинотеатр «Авангард». Но в каждом из трёх Дворцов культуры: имени Ленина, калийщиков, энергетиков – были небольшие кинозалы. В них показывали детские фильмы или повторяли кинофильмы, прошедшие на «большом экране».

В кинотеатр «Авангард» народ валил валом. На премьерные показы невозможно было купить билеты. В кассах кинотеатра установили турникеты. Народ лез через них к кассам, ломая всё на своём пути. Иногда «хвост» очереди за билетами в кассу стоял на улице. Билеты приходилось покупать заранее, как на поезд. Часто перед сеансами спрашивали на улице «лишний билетик» те, кто не сумел купить билет, а фильм посмотреть очень хотелось. Школьники сбегали с уроков, чтобы сходить в кино. Юноши назначали свидания возле кинотеатра и вели девушек в кино. Интересные фильмы потом обсуждались дома, на работе, в школе, в транспорте, в магазине, на улице. Вывешивались анонсы, подогревая зрительский интерес. В газетах печатали краткое содержание фильма.

Кино было самым доступным видом развлечения. Детский билет стоил 10, а взрослый – 30 – 50 копеек. Киногерои воспитывали, им подражали, о них мечтали, дети играли в них. Фотокарточки известных артистов продавались в каждом газетном киоске. Многие коллекционировали их. Моими любимыми актёрами тогда были Тамара Макарова и Вячеслав Тихонов. А песни! К каждому фильму писали самые замечательные песни на стихи известных поэтов лучшие композиторы того времени. Эти песни потом звучали по радио, их пела вся страна, и до сих пор они не потеряли своей прелести.

В те годы много шло героических военных фильмов. Сидишь, бывало, в кинозале (в особо страшных местах мы с подружкой держались за руки), переживаешь за героев, и вдруг на помощь скачет конница с развевающимися знамёнами (или идут танки со звёздами) – и весь зал в едином порыве выдыхает: «Наши!!! Наши пошли в атаку на проклятого врага! Наши побеждают!» Никогда не забуду чувства единения с людьми, сидящими рядом. А мальчишки на первом ряду от восторга ки-

дали вверх шапки. Люди выходили из зала с заплаканными глазами, но со счастливой улыбкой на лице. Фильмы волновали, радовали, огорчали. Приходилось переживать множество историй, жизненных ситуаций вместе с героями фильмов. В кинозале не одна сотня людей в едином порыве то замирает напряжённо, то хохочет неистово, заряжая всех и каждого, то плачет. Это ощущение восторга единства не сравнить с просмотром телефильма, когда ты одна дома или с семьёй смотришь телевизор.

А перед сеансом в кинотеатре «Авангард» приятно было купить мороженое в буфете или выпить чаю с пирожным, поглазеть на афиши и портреты актёров в фойе или на маленьком экране посмотреть киножурнал или мультфильм. А раньше, я слышала, в фойе даже играл оркестр и было сольное пение, но я не застала то «золотое» время. Спиртных напитков не продавали, и в зал не пускали с едой и мороженым. Люди культурно отдыхали.

Понравившиеся фильмы смотрели несколько раз. Так, французский кинофильм «Три мушкетёра» – прекрасный, цветной, широкоэкранный – мы смотрели всем классом раз пять, а то и больше. Восторгались, заучивали наизусть реплики актёров, любовались костюмами. Как быстро меняются вкусы поколений! До нас восторгались кинофильмом «Чапаев», а нам хотелось красивой сказки!

Девочки нашего класса даже распределили роли и стали играть в мушкетёров. Мне отвели роль королевы Анны Австрийской, Таня Андреева была д'Артаньяном, Галя Мацур – королём Людовиком XIII, Валя Лобанова – Атосом, Люда Кузнецова – Арамисом, Таня Кухтина – Портосом. Мальчишки были гвардейцами кардинала, то есть нашими врагами. На переменах и после уроков мы разыгрывали разные сценки, писали записки в галантном и витиеватом стиле. А на Новый 1965 год сшили себе костюмы, согласно своим ролям, для маскарада. Все мушкетёры были в чёрных трико, свитерах с белыми жабо и манжетами, даже шпаги были. Мой костюм был самый сложный. Кринолин мне сделал папа из проволоки. Юбку я смастерила из плюшевой скатерти и накрахмаленных тюлевых занавесок. Правда, короны на голове у меня не было, но все мамины украшения, кроме золотых, я нацепила на себя. Кринолин получился очень широкий. Я даже в дверной проём не могла пройти, приходилось наклонять этот «абажур». В этом костюме я была не только на школьном балу, но и во дворце. Такое вот было кино...

Яна КАМЕНЩИКОВА

МОТИВ БЕЛОГО ЦВЕТА В ЛИРИКЕ АЛЕКСЕЯ РЕШЕТОВА

Цвета – значимая и значительная категория искусства. Символика цвета разработана в живописи, поэзии, музыке, а в поэзии её связывают с символикой звука (В. Хлебников, К. Бальмонт и др.). У разных народов один и тот же цвет может обозначать разное, но существуют некоторые цвета, значение которых одинаково во всех странах. Так, например, чёрный цвет всегда считался цветом негатива, зла и смерти. Красный – цвет любви и страсти. Зелёный – цвет надежды и спокойствия. Но особенно интересным является значение белого цвета.

Белый цвет обозначает совершенство, простоту, свет, Солнце, воздух, прозрение, чистоту, невинность, святость, священство, спасение, духовную власть. Белые одежды, например, обозначают непорочность и победу духа над плотью. У белого цвета двойное значение: он ассоциируется как с жизнью и любовью, так и со смертью и похоронами. С последним белый цвет связан у восточных народов, в этих же случаях он использовался в Древней Греции и Риме. Белый цвет был связан с древними мифами: Дельфийская Афродита Погребальная – возлюбленная богиня смерти. Белое носят во всех ритуально важных случаях: крещение, конфирмация, помолвка, брак, смерть. Это цвет святых, не испытавших мучений, и святых девственниц, а также праздников Пасхи, Рождества, Крещения и Вознесения. Белый цвет имеет разнообразнейшие значения в мире символов и является знаком и показателем разных интерпретаций значимости этого цвета.

Алексей Леонидович Решетов – русский поэт, сделавший огромный вклад в поэзию XX века. В лирике поэта Алексея Решетова мотив белого цвета появляется неоднократно, скорее всего, это является показателем того, что он имел особое значение для автора.

В творчестве поэта можно выделить несколько значений белого цвета. В первую очередь нужно отметить белый цвет как символ чистоты и возвышенности. В стихотворениях Решетова часто появляется цвет седины, она означает почтительное отношение к старости и уважение.

Изображение пейзажа – одна из главных тем лирики А. Л. Решетова. Автор часто пишет о временах года, связанных с белым цветом, он

выделяет зиму и весну на фоне остальных. Зима – суровое время года, но в то же время оно выступает символом надежды на светлое будущее и тепло. Весна же – время оживления, зарождения жизни. Здесь белый цвет ассоциируется с чистотой, белые цветы обозначают новую невинную жизнь. Но весной белый цвет символизирует также избавление от оков зимы, например, сход белого льда с реки и тающий белый снег, под которым скрывается отдохнувшая земля.

Изучая творчество поэта, можно увидеть, что автору из времени суток ближе ночь. Традиционно цвет ночи – чёрный, а Решетов делает ночь белой, подчёркивает необычность своих ночей, открывает ночной мир для читателя, как художник рисует свою картину, чтобы передать красоту природы. Белая ночь является противопоставлением тёмной, обычной ночи, она выступает против неё и признаков, сопровождающих её.

И белой ночью старый соловей,
Которого я в молодости слышал,
На нашу протекающую крышу
Пошёл своих любимых сыновей.

(«Когда цветка не будет на окне...»)

Белая ночь, как святая обитель,
Белая ночь – лебединый полёт.
В белую ночь вас никто не обидит,
В белую ночь вам никто не солжёт.
Белая ночь, словно парус, белеет.
Белая ночь – это вовсе не ночь,
Белая ночь – это добрая фея,
Чёрную, злую прогнавшая прочь.

(«Белая ночь, как святая обитель»)

Поэт рисует белую ночь как торжество волшебства, он освящает белую ночь, считает белую ночь временем надежд, правды, поэзии. И только потому, что она – белая. Внимание поэта останавливают предметы, которые не могут быть не белыми – снег и облака:

Зима попыталась вернуться.
Опять за окошком бело.

(«Зима попыталась вернуться...»)

Опадают последние листья.
Облака чуть повыше земли.

Нынче ночью, когда я молился,
Пролетели на юг журавли.
Доживу ли до их возвращенья?
Скоро станет от снега бело.
Хорошо у огня на крещение...
А могилу копать тяжело...

(«Опадают последние листья»)

Привлекают внимание поэта и белые цветы:

Молча сидит Шарлотта,
Белый цветок картошки
К кофточке приколов.

(«Сентиментальная история»)

Цветы картофеля не используют для украшения. Героиня украсила себя этим цветком, что говорит о её стремлении понравиться, украсив себя, и о невозможности приобрести другие цветы. Цветы картофеля не полностью белые: в сердцевине они темно-розовые. И не все цветки картошки белые – некоторые из них фиолетовые, розовые. Но для поэта важно, что цветок – белый.

Поэту важно изобразить именно белую птицу:

Обернись белокрылою птицей,
Промелькни за окном, покажись,
Чтобы хоть на минуту забыться
И не сравнивать с каторгой жизнь.

(«Мы с тобою живем по соседству...»)

И лебедь белый или чёрный
К нему выходит из воды.

(«О вы, несжатые полосы...»)

Белая лебедь над белым предместьем
Вдруг высоко поднялась.

(«Белая лебедь над белым предместьем...»)

И снится мне: качаются цветы,
И белый аист нам несёт ребёнка,
И голову закидываешь ты,
И на поляну падает гребёнка.

(«Ты легким светом вся озарена...»)

«Белокрылая птица» для А. Решетова чаще всего лебедь – символ красоты, изящества, грациозности, верности, или аист – символ семьи.

Но поэт окрашивает в белый цвет и предметы пейзажного мира, для которых белый цвет нехарактерен:

В красном пламени леса,
В белой кипени озёра, –
Безрасчётная краса,
Драгоценная для взора.

(«Здравствуй, пасмурный денёк...»)

Не нам ли поздно или рано,
Держа ответ, несдобровать
И, словно белоэмигрантам
По белым рощам тосковать.

(«Мы топим рощами Куинджи...»)

Белое озеро (не зимой!), белые рощи... Для А. Решетова естественно окрашивать предметы пейзажа в белый цвет. Но белый цвет, пусть даже не присущий предметам, не удивляет читателя, наблюдающего за ходом мысли поэта. Решетов намеренно окрашивает пейзажи в белый цвет, подчёркивая их значимость для него.

Белый цвет пейзажа у поэта зачастую выражен предметами пейзажного мира, цвет может быть не назван, но естественно подразумеваться, так как предмет – обязательно белый, этого требует его природа:

Уж сколько зим – не знаю сам –
Скребется вьюга по окошку.
А ты всё бродишь по лесам,
Сбираешь ягоду морошку.

(«Ты слышишь, мама, я пришёл...»)

Зима – это белое время года, люди понимают это без слов, вьюга тоже помогает окрашивать окружающий мир в белый цвет, застилая воздух и землю белоснежным снегом.

И облаков прощальный клик
Прекрасно слышат горожане...

(«Куда, куда вы, облака...»)

В лесу озябла клюквинка,
Меж кочек лёд блестит,
И пар идёт от клювика,
Когда снегирь свистит

(«Настали дни суровые...»)

Сначала падает не снег,
А только слабый запах снега.

(«Нет, ты любовью не зови...»)

Решетов отмечает, что сначала приходит предчувствие зимы, природа чувствует её появление и даёт знать о её скором наступлении.

Погода – непогода,
Снега или дожди,
Пехота есть пехота,
Иди, браток, иди.

(«Пехота»)

Промчались тяжёлые льдины.
Покончено с долгой зимой.

(«Промчались тяжёлые льдины...»)

Где она? Зимний день – молчок...
Лишь лежит на снегу листочек,
Как потерянный башмачок...

(«Осень короткой была, как зарюшка...»)

Превратиться бы в лёд или камень,
В дикий камень, в бесчувственный лёд.

(«Превратиться бы в лёд или камень»)

Скоро снега седенькие лягут,
Волки пьют вино из волчьих ягод.

(«Скоро снега седенькие лягут»)

Автор употребляет вместе два слова, которые обозначают белый цвет. Снег является белым, а слово «седенькие» подчёркивает, что вместе со снегом на землю придёт закат жизни, увядание, которое накроет всё живое до весны.

Только женского тепла
Постоянно не хватало.
Сердце льдом пообрастало.
Ну да ладно, жизнь прошла.

(«Жизнь моя была легка...»)

Нет, в бор, снегами осветлённый,
Я не дрова хожу рубить.

(«Зимний бор»)

Три-четыре хороших снежинки –
И пиши по теплу некролог.

(«Журавли собирают пожитки...»)

Итак, белый цвет даётся поэтом через называние предмета определённо белого цвета. Чаще всего это снег, лёд, снежинки. Иногда – берёзы, лебеди:

Как стойко держались берёзы
В суровые дни в январе...

(«Берёзы»)

Это лебеди, лебеди это,
Соловецких кровей кликуны.

(«Кликуны»)

Белый цвет для А. Л. Решетова – цвет мира вообще, цвет существования, среды обитания человека:

Дорогая, ты, верно, заметила тоже,
Как по-прежнему бел этот свет.

(«Все течёт, но ничто измениться не может...»)

Ищите их по белу свету,
Ищите мёртвых и живых!

(«Ищите без вести пропавших...»)

Родная!

Опять високосная стужа
Хватает за горло средь белого дня.

(«Родная...»)

Зеница ока, Родина моя,
Что без тебя на белом свете я?
Без белых рощ, без пушкинской строки
Я не жилец, я сгину от тоски.

(«Зеница ока, Родина моя...»)

Так отчего же всё окрест
Черно средь бела дня?

(«Стихи о зарытом таланте»)

Белый свет, белый день – такие избитые идиомы. Но под пером А. Решетова они приобретают свежее звучание: существование человека на белом свете оправдывают поиски им «без вести пропавших». Лирический герой А. Решетова может сгинуть на белом свете без Родины, «без пушкинской строки». Пребывание человека на «белом свете» – это неустанные поиски истины, высокого смысла жизни.

В стихотворении «Сапожник допился до белой горячки» поэт «играет» словом «белый», собирая идиомы с этим словом и объе-

диняя предметы, окрашенные в белый свет. Белая горячка – крайняя степень психического расстройства, белые стихи – наполовину проза, белые овцы – почти цитата из Библии о жертвоприношении. Эти образы притягивают и другие: белая пена, белые стены, белый дым... И всё это вместе – белый свет, который так хорош для жизни человека...

Сапожник допился до белой горячки,
Поэт дописался до белых стихов.
И белая пена в корыте у прачки –
Как белые овцы у ног пастухов.
И белые стены покрашены мелом,
И белый из труб поднимается дым,
И белый наш свет называется белым –
Не чёрным, не розовым, не золотым...

(«Сапожник допился до белой горячки...»)

Белый цвет у А. Решетова важен для характеристики героя, он отображает как внутренние, так и внешние черты человека. Образы женщин в стихотворениях Решетова часто сопровождается белым цветом. Он создаёт особый образ, направленный на то, чтобы показать чистоту, красоту женщины.

И она прибежала к нам –
белее стены.

Мать её утешает...

и горят деруны.

(«Стихи о военном детстве»)

За усмешку, за гневные нотки
И за утренний ваш поцелуй
Поклониться бы в белые ножки,
А ведь я далеко не холуй...

(«Только вы перед глазами предстали...»)

И опять в мой вешний город
В белом платье ночь пришла
И обиды все, и горечь
Как рукой с души сняла.

(«И опять в мой вешний город»)

О, женщина! Что за натура!
Нарочно является к нам

Одним волоском белокурым
Связать по рукам и ногам.

(«О, женщина! Что за натура...»)

Лишь бы ты меня ждала
С вечною тоской
И бубенчики рвала
Белою рукой.

(«Всё равно, в каком аду...»)

Решетов часто рисует образ женщины, одевая её в белый цвет. Лирический герой в его стихах всегда с благоговением относится к женщинам. Автор подчёркивает белизну кожи женщины, показывает тем самым, какое она нежное создание, как нуждается в заботе и защите. Поэт также облачает женщину в белое платье, и цвет платья не случаен. Белые одежды обозначают чистоту, невинность и женственность. Автор как бы обожествляет женщину. С другой стороны, Решетов передаёт через белый цвет переживания и тревогу. Так, например, в «Стихах о военном детстве» он пишет, что женщина белее стены – она крайне потрясена, белый цвет передает её состояние:

Отойдите, белые врачи!

Я доволен чёрными врачам

(«Будь война – ушёл бы на войну...»)

Автор вновь противопоставляет белый цвет чёрному, он пишет о том, что «чёрные врачи» устраивают его больше, чем белые, под образами врачей скрываются две стороны бытия, чёрная – прошедшая огонь и муки, сторона страдания, белая – чистая, не познавшая потерь и страдания.

Кому теперь до моды? Никому.
Лишь дедушка-художник без сорочки
Не может белоснежной обойтись.
Крахмаль ему в неделю раз манжеты!
И то подумать: стоит-то крахмал,
Пожалуй, больше, чем его картинки.
Я, говорит, заметьте, как на смерть,
Хожу в рубашке белой на этюды.

(«Натурщица»)

Белая рубашка – традиция, принцип, сохранённый человеком до конца жизни, несмотря ни на что, ни на какие трудности. Это символ

стойкости и непреклонности ни перед чем. Рубашка – это знак отношения к работе. Не важно, что художник может испортить белоснежную сорочку в первую же минуту работы, важно, что он надел её, а никакую другую, значит, работа – это его жизнь, призвание.

Как рукомойник из меди

Ал

и простынка бела,

Как ты прекрасна при свете

Солнца –

В чём мать родила.

(«Сколь ни тарасились совы...»)

Автор часто писал о цвете седины. Это не чисто белый цвет, это один из его оттенков, отражающих в себе всю длинную жизнь человека, все трудности, через которые человеку приходится проходить, все его страдания:

Он прячет горькую усмешку

В седую бороду свою.

(«Шахматы»)

Лицо в морщинах

и темней, чем глина,

Лишь седина,

Лишь седина, как первый снег, светла.

(«Хозяйка маков»)

Седина, светлая, как первый снег, – это явный признак почтения и уважения к человеку. Героиня достойна и чиста. Она пожилая женщина, однако чиста, как юный ангел. Такое отношение она заслужила своей жизнью и поступками. Цвет лица противопоставляется цвету волос, автор имеет в виду, что, несмотря на тяжкую жизнь, придавшей её лицу землистый цвет, волосы её чисты и белы, как снег.

На берегу дороги дальней,

Седой бродяга, блудный сын...

(«На берегу дороги дальней...»)

Поседела моя одинокая мать,

Не привыкшая писем моих получать.

(«А действительно, время куда-то идёт...»)

Седина может стать следствием переживаний, нервной жизни, ожидания чего-то или кого-то. Не зря говорят, что люди часто седеют

преждевременно, так и мать героя изменилась, она стала стара и седа от постоянных переживаний.

Ни берлоги, ни жены

У тебя, седоволосый.

(«Непослушное перо...»)

Решетов в этом стихотворении подчёркивает, что человек преклонного возраста, с сединой, не имеет семьи, жизненной опоры – а значит, нет надежды на хорошее.

Пусть голова побелела,

Жизнь всё равно хороша.

Только бы раньше, чем тело,

Не умирала душа.

(«Пусть голова побелела...»)

Некому за бедных заступиться.

Ничего, седая борода,

Умирать не надо торопиться.

Умереть не поздно никогда.

(«Тяжко на Руси пенсионерам»)

«Седая борода» в данном случае – это обращение к человеку, она является отличительным знаком человека, автор использует метонимию для данного обращения.

Седому как лунь человеку,

Казалось бы, что в новизну?

Дивиться ли белому снегу,

Как белому хлебу в войну?

(«Седому как лунь человеку»)

Белый цвет создаёт особый образ героя. Он подчёркивает его необыкновенность, выделяет из других людей. Белый цвет не всегда обозначает положительную характеристику героя, иногда он связан с переживаниями, старостью, смертью. Но часто белый цвет возвышает человека, возносит его. Белый цвет присущ не только аристократам и людям, которые живут чистой, непринуждённой жизнью, часто люди, живущие тяжело, обретают белый цвет, ведь их душа и помыслы чисты. Для Решетова душа в стихах была на первом месте, так что его выбор не случаен.

Тема поэта и поэзии – одна из разработанных тем в лирике А. Л. Решетова. Лирический герой А. Л. Решетова ожидает работы над сло-

вом, оценивает созданное стихотворение, размышляет над его судьбой. Свои размышления он часто связывает с белым цветом:

...И опять – словно снег – черновик...
 («Нет детей у меня. Лишь стихи...»)

Черновик стихотворения может быть белым только тогда, когда ещё не начато стихотворение. Поэт не приступил к работе, но думает о ней, ждёт её, немного страшится, поэтому лист кажется ему холодным, как снег. Такое же чувство вызывает у поэта новая тетрадь для стихов:

Только глажу новую тетрадь –
 Белую, голодную ворону...
 («Опущу усталую главу...»)
 Не мазать ей ворота дёгтем,
 Не трогать белого листа!
 («Провинциальные поэты»)

Этой теме посвящено стихотворение «Белый лист»:

О белый лист, поэту ты претишь,
 Так белый флаг немислим для солдата.
 Так белой ночи давящая тишь
 В рыданиях девичьих виновата.
 Но полон чуда, веры, торжества
 Тот миг, когда естественно и просто
 Приходят вдохновенные слова
 На лист, необитаемый, как остров.
 О белый лист – как белое чело,
 Как белые больничные постели,
 Как белый снег, что рухнул тяжело
 От выстрела на пушкинской дуэли...
 («Белый лист»)

Белый лист претит поэту, потому что является свидетельством бессилia поэта, творческого застоя. Отсюда – ряд образов: белый, то есть не исписанный поэтом лист – как белый флаг для солдата (знак поражения армии), как белая ночь, проведённая в одиночестве, как дни, проведённые в больничной постели, как снег, на который упал смертельно раненный Пушкин.

Поэт часто обращается к теме белых стихов. Белый стих – стих без рифмы, стихом его делают ритм и повышенная эмоциональность. Белый

стих в сознании поэта ассоциируется с образами природы, чаще всего – с белым снегом.

Ах, как вздыхает, как вздыхает
 Мой неприкаянный слуга,
 Покамест белыми стихами
 Не запорошены луга.
 («Пегасу хочется в ночное...»)

Белый лист – это не пустота, а свободное место для творчества и полёта мысли. Фантазия поэта может создать на листе белой бумаги всё что угодно, всё ограничивается лишь воображением автора. Пусть человека пугает холодность чистого листа. После того как поэт преодолевает страх и станет писать, начнётся настоящее волшебство – рождение мысли. Сам белый лист может ассоциироваться у автора с какими-либо образами и навеивать ему темы для произведений. Неисписанный, пустой лист является вдохновителем мастера, подталкивает его написание чего-то принципиально нового, и за это поэт благодарен ему.

Антоним белого – чёрный. В лирике А. Решетова происходит неожиданное сближение этих контрастных цветов:

Белая лебедь над белым предместьем
 Вдруг высоко поднялась.
 И превращается в траурный крестик,
 Всё недоступней для глаз.
 О, до чего наши очи нечётко
 Видят далёкий предмет.
 Вечно мы белое путаем с чёрным,
 Будто и разницы нет.
 («Белая лебедь над белым предместьем...»)

Автор подчёркивает, что спутать белое и чёрное, хорошее и плохое очень легко. Поэтому нужно быть внимательным, учиться видеть добро, положительное начало. Решетов отмечает, что разницы между белым и чёрным будто не существует. Человек может и намеренно выбирать чёрный, тёмный путь, обосновывая это одинаковостью белого и чёрного. Человек, можно сказать, выбирает лёгкий путь. Решетов отдаёт предпочтение белому цвету – об этом всё его творчество. Его лирика «окрашена» в белый цвет. Алексей Леонидович на примере своих произведений учит нас делать правильный выбор, выбирать белое, настоящее, чистое.

Список литературы.

1. Голубков М. Д., Гребнев А. Г., «Литературное Прикамье: Литературно-художественный сборник» – Пермь:1987, С. 148-150.
  2. Решетов А.Л. «Чаша».– Пермь:1981, 160 с.
  3. Решетов А.Л. «Иная речь».– Издательство «Пермская книга» – Пермь:1994, 397 с.
  4. Смородинов М. Р. «Литературное Прикамье». – Пермь:1989, С. 205.
  5. Шмаков А.А., Шмакова Т.А. «Урал литературный». – Челябинск: 1988, С. 227.
- Интернет-ресурсы.
- 1.[<http://feb-web.ru>]
  - 2.[<http://www.krugosvet.ru>]
  - 3.[<http://mirslivarej.com>]

Авторы альманаха:

- Баканова Любовь Васильевна (г. Соликамск)
 Батроменко Надежда Николаевна (г. Усолье)
 Болтрушевич Софья Антоновна (г. Березники)
 Бугай Валентина Павловна (г. Соликамск)
 Бутко Дмитрий Александрович (г. Березники)
 Бурага Галина Ивановна (г. Соликамск)
 Бычина Галина Васильевна (с. Верх-Язьва Красновишерского района)
 Вершинин Геннадий Васильевич (г. Лысьва)
 Гаряева Галина Игоревна (г. Соликамск)
 Ермолаева Евгения Андреевна (с. Кольчуг Чердынского района)
 Журова Елена Николаевна (г. Горнозводск)
 Заостровская Татьяна Юрьевна (г. Березники)
 Захаров Вячеслав Михайлович (г. Добрянка)
 Зирина София Александровна (г. Березники)
 Каменщикова Яна Дмитриевна (г. Пермь)
 Кияшко Ирина Валентиновна (г. Соликамск)
 Кочетков Сергей Сергеевич (г. Березники)
 Майоров Владимир Аркадьевич (г. Добрянка)
 Мальцева Марина Яковлевна (с. Вильва Соликамского района)
 Мамедова Ульдуз Байрамовна (г. Пермь)
 Маринова Галина Афанасьевна (г. Березники)
 Матвеев Алексей Александрович (г. Соликамск)
 Мелехина Вера Петровна (с. Кочёво)
 Некрасова Валентина Ильинична (г. Березники)
 Нечаева-Лебедева Валентина Степановна (г. Добрянка)
 Никкари Дарья Вадимовна (г. Пермь)

Олюнин Леонид Павлович (г. Соликамск)
 Пермякова Елена Дмитриевна (г. Добрянка)
 Плотников Владимир Александрович (г. Добрянка)
 Плюснина Ираида Аркадьевна (г. Добрянка)
 Подскачинова Анастасия Александровна (г. Добрянка)
 Почуйко Надежда Владимировна (г. Добрянка)
 Протасевич Любовь Петровна (г. Березники)
 Расторгуева Анастасия Леонидовна (г. Чердынь)
 Рогожникова Нина Степановна (г. Соликамск)
 Рожкова Елизавета Сергеевна (г. Лысьва)
 Рычихина Вера Григорьевна (г. Соликамск)
 Сидорова Любовь Анатольевна (г. Губаха)
 Смирнов Юрий Никтополионович (г. Березники)
 Смирнова Любовь Анатольевна (г. Губаха)
 Снецкая Татьяна Александровна (г. Добрянка)
 Степанова Юлия Юрьевна (г. Пермь)
 Сулейманова Ульдуз Байрамовна (г. Пермь)
 Тетенова Валентина Павловна (г. Соликамск)
 Тиунова Ольга Рудольфовна (Горнозаводск)
 Толстогузова Ольга Сергеевна (г. Чердынь)
 Фрольцева Валентина Ивановна (г. Соликамск)
 Шалаумов Петр Александрович (г. Березники)
 Юшкова Анастасия Александровна (г. Березники)

Иллюстрации

«Какие чудо-маки...» Политова Екатерина (г. Александровск) стр.6
 «Слово было именно таким» Соловьёва Ксения (г. Березники) стр. 56
 «Пальто и шапочку надень» Галинская Ева (г. Березники) стр. 58
 «Лишь один медведь шатун...» Иванова Анастасия (г. Березники) стр. 120

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна СОКОЛОВА. В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО.....3

ПОЭЗИЯ

Галина МАРИНОВА. ВЫШИВАЛА МАМА, ВЫШИВАЛА.....7
 Галина Бурыга. ПАМЯТЬ.....8
 Любовь ПРОТАСЕВИЧ. ЗВЁЗДНЫЕ ОГНИ.....9
 Евгения ЕРМОЛАЕВА. ЗЕРКАЛО ДУШИ.....10
 Ульдуз МАМЕДОВА. МОЯ ЗВЕЗДА.....11
 Надежда ПОЧУЙКО. ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ РАЯ!.....12
 Анастасия ПОДСКОЧИНОВА. ПРОСТИ МЕНЯ, БОЖЕ.....13
 Дмитрий Бутко. ПЛАХА.....14
 Ирина КИЯШКО. АПОКАЛИПСИС.....15
 Сергей КОЧЕТКОВ. В ДУШЕ СВОЕЙ СЛОМАВ.....16
 Софья СУЛЕЙМАНОВА. В СТАТЬЕ ИВАНА ИЛЬИНА.....17
 Алексей МАТВЕЕВ. ГОРОД СОЛИКАМСК.....18
 Валентина ТЕТЕНОВА. ПОДСНЕЖНИК.....19
 Анастасия РАСТОРГУЕВА. СОЛНЦА ТЁПЛЫЙ КОЛОБОК.....20
 Ираида ПЛЮСНИНА. ОЖИВАЕТ ВСЯ ПРИРОДА.....21
 Валентина НЕЧАЕВА-ЛЕБЕДЕВА. БЕЛАЯ БЕРЁЗА.....22
 Надежда БАТРОМЕНКО. ЦАРСТВЕННЫЙ ГРИБ.....23
 Валентина ФРОЛЬЦЕВА. СЕДИНЫ НЕ ПОЗОРНЫ.....24
 Ольга ТОЛСТОГУЗОВА. ДВА ВРЕМЕНИ ГОДА.....25
 Валентина НЕКРАСОВА. УПЛЫВАЛО ОБЛАКОМ ПУШИСТЫМ.....26
 Ольга ТИУНОВА. ПРАЗДНИК ЗОЛОТОГО ЦВЕТА.....27
 Любовь СМИРНОВА. СИНЕЕ НЕБО И ОБЛАКА.....28
 Нина РОГОЖНИКОВА. ЧАЙ ВТРОЁМ.....29
 Галина ГАРЯЕВА. МОРЕ СЧАСТЬЯ.....30
 Елена ПЕРМЯКОВА. КУКЛА ЖЕНЯ ЛИЗУ ПРОСИТ.....31
 Марина МАЛЬЦЕВА. Я ВЧЕРА ДИКТАНТ ПИСАЛ.....32
 Галина БЫЧИНА. НЕВЕСЁЛЫЙ РАЗГОВОР.....33
 Вячеслав ЗАХАРОВ. ДАЧНОЕ.....34
 Валентина БУГАЙ. ВОШЬ НА ГРЕБЕШКЕ.....35
 Леонид ОЛЮНИН. СЕРЬЁЗНЫЙ РАЗГОВОР С ЖЕНОЙ.....36
 Владимир МАЙОРОВ. МЫ НАДЕЯЛИСЬ, ЕЩЁ НАДЕЯЛИСЬ.....37

Любовь БАКАНОВА. ТЕПЕРЬ ТЫ МОЙ.....	38
Елизавета РОЖКОВА. СКАЖИТЕ АДРЕС У ЛЮБВИ.....	39
Татьяна СИДОРОВА. Я НЕ МОГУ ТЕБЯ ЗАБЫТЬ, СЛЫШИШЬ?.....	40
Юрий СМИРНОВ. ПОЗОВИ.....	41
Татьяна СНЕЦКАЯ. И МНЕ ОСТАЛИСЬ ТОЛЬКО НЕ.....	42
Елена ЖУРОВА. ЗАНОВО НАЧАТЬ.....	43
Татьяна ЗАОСТРОВСКАЯ. НЕЖНАЯ МЕДУЗА.....	44
Анастасия ЮШКОВА. СЕРДЦЕ ПРОСИТ СЛОВА.....	45
Геннадий ВЕРШИНИН. ТАЙНА. Поэма о любви.....	51

ПРОЗА

Дмитрий БУТКО. ВОЗДУХ. Новелла.....	59
Дмитрий БУТКО. ИДУЩАЯ СОЛО. Новелла.....	61
Леонид ОЛЮНИН. ДО ПЕРВОГО ГОЛА. Сказка.....	63
Софья БАЛТРУШЕВИЧ. ОТ СОЛЕВАРНИ ДО НАНОУГЛЕТАНА. Глава из повести.....	65
Вера РЫЧИХИНА. ХИТРЫЙ ЕЖИК. Сказка.....	68
Дарья НИККАРИ. К ПЕРМИ ПРИБЛИЖАЛАСЬ ЗИМА. Новелла.....	70
Татьяна ЗАОСТРОВСКАЯ. ДЕНЬ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА. Цикл коротких рассказов.....	72
Юлия СТЕПАНОВА. ЕСЛИ, ТО КАК. Новелла.....	110
София ЗИРИНА. ИРИШКИНЫ ЧУДЕСА. Глава из повести.....	116

ПУБЛИЦИСТИКА. КРИТИКА. ЭССЕ

Вера МЕЛЕХИНА. ПРО ДЕТСКИЙ САД, АТОМНУЮ БОМБУ И МНО- ГОЕ ДРУГОЕ.....	121
Галина МАРИНОВА. СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА: КИНО.....	124
Яна КАМЕНЩИКОВА. МОТИВ БЕЛОГО ЦВЕТА В ЛИРИКЕ АЛЕКСЕЯ РЕШЕТОВА.....	126
Авторы альманаха.....	139

Литературно-художественное издание

АЛЬМАНАХ

РЕШЕТОВСКИЕ ВСТРЕЧИ

№ 1

Составление и редактирование Т. Соколова
Компьютерная вёрстка и дизайн Г. Дроздов
Корректурa В. Шилова

В оформлении альманаха использованы рисунки победителей
фестиваля-конкурса «Решетовские встречи» в номинации
«Художественное творчество»

«Решетовские встречи» (Виртуальная литературная студия)

Ты пишешь стихи или прозу? Тебе нравится выражать свои мысли и чувства необычными словами? Твои сюжеты приходят к тебе во сне, и ты хочешь с помощью обычных слов материализовать увиденное тобой и неизвестное другим чудо?

Тогда тебе обязательно будут интересны «Решетовские встречи»!

Так называется литературный фестиваль, который с 1999 года проходит в городе Березники Пермского края. В этом городе известного русского поэта Алексея Решетова живёт необычайно много поэтов. Но ещё больше их приезжает каждый год, в апреле, в день рождения поэта, на «Решетовские встречи». Они читают друг другу и всем желающим свои стихи, занимаются в мастер-классах и литературных студиях, просто бродят по городу любимого поэта, сказавшего однажды: «Возьми немного света моего».

Теперь не только им, но и тебе, чтобы попасть на «Решетовские встречи», не обязательно ждать апреля!

Ты хочешь, чтобы твои стихи (и прозу, конечно, и эссе) прочитал тот, кто знает толк в этом деле? А ещё лучше – написал бы пару строк, что же у тебя вышло?

Тогда не теряй времени и отправь на адрес permliter12@rambler.ru письмо с заявкой (образец ниже) и своё произведение (прикреплённым файлом) размером до 10 тыс. знаков прозы или до 150 стихотворных строк. Ты обязательно получишь в ответ отзыв (мини-рецензию) профессионального поэта или прозаика.

И это ещё не всё. Твоя заявка будет учтена при формировании команды участников фестиваля следующего года. Твоё произведение может быть опубликовано в Интернете и печатной версии альманаха «Решетовские встречи». А его лауреаты автоматически позиционируются как соискатели Литературной премии им. А. Решетова администрации г. Березники.

При этом гарантируется конфиденциальность переписки (твой текст без твоего разрешения никому, кроме эксперта, известен не будет). Но текст обязательно должен быть твоим. Его проверка в [Advego Plagiatus](#) и [EtXtAntiPlagiat](#) также гарантирована. Не рассматриваются лишь тексты с ненормативной лексикой.

Не опоздай! Предложение, как иногда говорят в лучших домах, ограничено!

Заявка (образец)

1. ФИО (по желанию, можно и псевдоним)
2. Возраст (конечно, условный, литературе, как и любви, все возрасты покорны, но предпочтительнее от 14 до 35 лет)
3. Профессия (школьник, студент, врач, менеджер, инженер и т. д. – лишь бы не писатель – почему, объясним позже)
4. Место жительства (регион, город, селение и т. д. – лучше в реале, вдруг мимо проежжать будем)
5. Телефон (домашний, мобильный и пр. – на всякий случай, вдруг Паутина забарахлит)
6. Адрес почтового ящика (для ответа и удобства обработки информации)
7. Текст (прикреплённым файлом) до 10 тыс. знаков с пробелами прозы или 150 стихотворных строк
8. Есть ли ранее опубликованные произведения и где (книги, подборки в журналах, на сайтах и т. п.)?
9. Откуда пришла информация (Интернет, школа и т. д.)?

Реализацию проекта осуществляет АНО «Пермский литературный центр» при поддержке администрации г. Березники. Партнёры проекта: МБУК «Централизованная библиотечная система» г. Березники и МБУК «Централизованная библиотечная система» г. Перми, Юношеская библиотека.